

Дмитрий Грунюшкин

Капкан для крысы

Дмитрий Грунюшкин
Капкан для крысы

«Автор»

1999

Груньюшкин Д. С.

Капкан для крысы / Д. С. Груньюшкин — «Автор», 1999

© Груньюшкин Д. С., 1999

© Автор, 1999

Содержание

«КАПКАН ДЛЯ «КРЫСЫ»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дмитрий ГРУНЮШКИН

«КАПКАН ДЛЯ «КРЫСЫ»

«Я, наверное, слишком мягок, но я даю тебе неделю. Через пару часов я улетаю в Штаты, а когда вернусь, ты мне все объяснишь. И очень постарайся, чтобы я тебе поверил».

Скотина! Пень старый!

Игорек схватил бутылку «Джонни Уокера», на самом дне которой еще плескалось несколько капель янтарной жидкости, и в бешенстве запустил ее в стену. Дико хотелось что-нибудь разбить или сломать, это позволило бы снять напряжение. Специалист-японец из релаксационного салона говорил, что нельзя себе отказывать в таких маленьких шалостях, иначе они накопятся и заставят тебя, рано или поздно, сделать большую глупость. «Грюпость», как он выговаривал.

Игорек уже видел, как бутылка разбивается со звоном и разлетается на тысячу осколков. И пусть виски растечется по этим дорогущим итальянским обоям – переживем, новые купим. Но «пузырь» с глухим звуком стукнулся в стену, невредимым упал на диван и медленно скатился на пол.

Окончательно осатанев, Игорек подскочил с кресла, схватился обеими руками за голову, согнулся и, как шаман, закрутился на месте, нечленораздельно рыча и повизгивая. Локтем он ударился об офисное кресло, ошалело поднял голову и, заметив цель, распрямился и почти радостно врезал по нему ногой снизу-вверх. Попал он голенью по стальному каркасу, на который было натянуто это кожаное великолепие. В глазах взорвалось солнце, ногу пронзила невообразимая боль и Игорек, схватившись за ушибленное место, бочком повалился на пол, опрокинув, в довершение, стакан с остатками виски. «Уокер» на глазах расплывался по светлой штанине трехсотдолларовых брюк.

Фортуна сегодня, явно, смотрела в другую сторону. Ноге было очень больно, штаны жалко, а целехонькая бутылка валялась на полу в метре от него и вызывающе блестела. Игорек не выдержал и заплакал, размазывая слезы по щекам.

Неделя! За неделю можно многое сделать – заработать миллион баксов или придумать, как «отмазать» от еврейского суда Гитлера. Но неделю ему дали не евреи, а Сидор. Значит для того, чтобы твою физиономию не показали в «Дорожном патруле» под рубрикой «найден неопознанный труп», надо или «закупать фанеру и строить аэроплан», как говорили о тех, кто собрался в бега, Чип и Дейл, телохранители Сидора, или крепко поворочать мозгами. Так крепко, как он еще никогда не ворочал. Кстати, насчет «фанеры» – помнится, все, кто «строил аэроплан», рано или поздно представляли пред светлыми очами Сидора, поддерживаемые с двух сторон Чипом и Дейлом, чтобы трясущиеся ноги не подкашивались. Как их находили, «бурундучки» не рассказывали, «секрет фирмы», говорят. Так что этот вариант вряд ли сработает. Лучше головой покумекать, это-то он умеет, за это и деньги получает.

Вот, блин, проблема! Легче свой собственный затылок без зеркала рассмотреть! И какого черта он сунулся в этот банк в Цюрихе?! Австрия и Кипр уже не устраивали? Знал ведь, что в Швейцарии у Сидора друзей больше, чем в Москве. А то, что «в Швейцарском банке – как в могиле», это сказки для «совков». Минули те времена.

Да нет, все проще было. Деньги карман жгли. Сорвал пятьдесят штук – надо спрятать. А где сорвал, там и «зарыл». Хорошо, что только этот счет всплыл, иначе Чип и Дейл уже сейчас из него ремешки бы резали. Да и что Сидору пятьдесят штук? Ему деньги – «до бедра», его «порядок в семье» волнует. Вот если младшенький про это дело пронюхает, тогда «табак». Он за папины деньги сильно переживает, ждет – не дождется, когда они ему достанутся.

Игорек с трудом поднялся с пола и, прихрамывая, подошел к бутылке. Хорошо, что не разбилась. Он вытряхнул остатки в стакан и опрокинул его в рот. А говорят, что он не мужик! Поллитра в одиночку выпил – и ничего! Попробовали бы они так. В голове шумит, в глазах рябит, в животе мутит, но живой. Он шагнул в сторону ванной, но пол, неожиданно, вывернулся из-под ног и треснул его по виску. Игорек хрюкнул и заснул прямо в луже пролитого виски.

Сидор в это время летел в салоне первого класса на «Боинге» компании «Дельта». Вообще-то, он предпочитал лайнеры российских авиакомпаний. Комфарту в штатовских самолетах, конечно, побольше, да и сервис выше, но девочки в униформе! С нашими никто не сравнится. Это потрясающее сочетание простоты и кажущейся доступности с чисто русским достоинством никакой тренировкой не выработаешь, это гены! Те проявления угодничества и заискивания перед иностранцами, которые наблюдались в советские годы, давно канули в Лету. Наши уже узнали, что иностранец – обычный человек, а кошельки у русских «туристов», зачастую, потолще, чем у забугорных «фирмачей». Девочки раскрепощены, улыбаются искренне, а не заученно-резиново, как «американки». Эти похожи на автомат для продажи «Кока-Колы», заряженный нитроглицерином – не знаешь, когда взорвется. С этой эмансипацией американцы вконец съехали. В голову трахнутые феминистки-эмансипухи в каждом взгляде видят попытку сексуального домогательства. Да и симпатичней наши в сто раз. На американских и европейских линиях все чаще стали появляться откровенные страхолюдины – они, понимаешь, посчитали, что отказ в приеме на работу из-за внешних данных нарушает их гражданские права. После таких заявлений в их «сверхдемократии» мало кто рискнет с ними связываться. А тебе летай с ними в одной жестянке.

Сидор сокрушенно вздохнул и отвернулся от смачной блондинки, шедшей по проходу. Эта, явно, на работу попала по старым принципам. В свои шестьдесят с хвостиком Сидор отнюдь пыл не растерял. Девушки стояли в его жизни на втором месте, сразу после работы. Покойная супруга не раз ему говаривала, что бабы его погубят, но пока обошлось. Случались, конечно, неприятности, но это так..., скорее, приключения.

Где-то под подошвами его ботинок, в добром десятке километров внизу, проплывала Европа. Дейл как-то прикололся, мол, отсюда до земли два часа пешком топать. За бортом трещал арктический мороз. Сидор посмотрел в окошко. Скучно летать ночью, да еще над облаками. Ничего, кроме больших ярких звезд, висящих на месте. Даже Луны нет. Сидор сохранял какую-то мальчишескую романтичность и любопытство. Не одну сотню раз он уже летал, но всегда старался сесть к окну и часто в него посматривал. Чип и Дейл об этом знали, и билет всегда был у окна. В этот раз, правда, Чип недоглядел, и агент доставил билет на «Дельту», а обменивать было уже поздно. Давать разгон было необязательно, он только укоризненно посмотрел и заметил: «Чип, это прокол», а тот уже застрелиться был готов.

Хорошие мальчишки. Они были его тенью. Двойной тенью. Сейчас Чип сидел у него за спиной, а Дейл на ряд впереди, у прохода, о чем-то оживленно болтая по-английски со стюардессой. Только Дейлу могут сойти с рук такие вольности. Глядя на его физиономию никогда не подумаешь, что он может знать по-английски что-нибудь еще, кроме «Йес» и «Фак». А между тем, балагурия, он, наверняка, цепко следит за всеми, кто находится в салоне, отмечая каждое движение.

Вообще, внешность этих парней была настолько обманчива! Они, на самом деле, были чрезвычайно похожи на знаменитых «мультишечек», и клички приросли к ним намертво. Они это осознавали и не противились, наоборот, старались «держать имидж», и даже одевались соответственно. Чип был чем-то похож на комсомольского работника восьмидесятых – аккуратенькая короткая стрижка, тонкое лицо, худощавая фигура, узкие губы. Он всегда носил темные брюки и белую рубашку с черным галстуком, а в холодное время – короткую кожаную

куртку с опушкой по низу и воротнику, на манер летчиков начала века. Правда, в отличие от героя мультфильма, шляпу он не признавал, даже в морозы оставляя голову непокрытой. Молчаливый и строгий педант, весь вид которого говорил, что он все делает серьезно, по плану и до конца.

Ну а Дейл – это просто кадр. Рыжий, лопоухий, нос картошкой, который вечно облезает на солнце, непослушные вихры постоянно растрепаны. Крупные редкие зубы, которые он и не думал прятать, когда улыбался во весь рот. Массивная, несколько рыхловатая фигура, о бойцовских качествах которой могли напомнить только здоровые веснушчатые кулаки. Одевался Дейл соответственно – широкие брюки, свободные рубашки навывпуск немыслимых расцветок, какие-то дурацкие куртки и огромные башмаки не в цвет.

Их фирменным приемом было знакомство. «Чип», – протягивая узкую ладонь сухо представлялся один. «Дейл», – ослабившись от уха до уха говорил второй, и хлопал по протянутой руке своей лапищей. Естественной реакцией того, с кем они знакомились, была моментальная глупая улыбка. Никто поначалу их не воспринимал всерьез. И для многих это становилось роковой ошибкой. Недооценивать их было нельзя – это были профессионалы экстра-класса, которые могли родиться только на бандитской земле России конца девяностых. Герой Кевина Костнера мог отдыхать. Эта парочка выполняла не только роль последнего барьера перед «телом», а гораздо больше. Они не допускали, чтобы против этого «тела» кто-нибудь хоть что-то замыслил. Как они этого добивались, порой не знал и сам Сидор.

Было похоже, что они знают и умеют все. Одно то, что «валенки» с виду, Дейл в совершенстве знал английский, о многом говорило. Да что английский! Они спокойно могли побеседовать на родном языке с финским туристом, армянином-шашлычником или узбеком, продающим арбузы.

Они были абсолютно не похожи друг на друга, но была одна общая деталь, которую мог заметить только очень внимательный человек – глаза! Темные, как две пары пулеметных дул, острые, как шило, они пронзали собеседника насквозь, не оставляя ни одного темного уголка. Они видели и оценивали все сразу и моментально, независимо от того, чем они в данный момент занимаются – ведут машину, играют в карты или охмуряют очередную девчонку.

При всей своей непохожести, Чип и Дейл были неразлучны и неразделимы как Инь и Ян, как Смит и Вессон, как... как Чип и Дейл. Под курткой одного в наплечной кобуре всегда болталась здоровенная «Беретта», а под свободной рубашкой второго, на начавшем формироваться животике, девятимиллиметровый пластмассовый австрийский «Глок 17». Маленьких пушек они не признавали.

Сейчас, в самолете, они, конечно, были без своих любимых игрушек. Но эти парни и голыми руками могут таких дел наворотить! А когда они прилетят, прямо в аэропорту Кеннеди Чип и Дейл по очереди сходят в туалет, где встречающие передадут им пистолеты и совершенно легальные разрешения на ношение оружия – оба «бурундучка», по совместительству, были еще и гражданами самого демократического государства в мире. И только после этого они разрешат Сидору выйти из здания аэропорта на свежий воздух.

Сидор считал это все баловством, но принимал правила игры. Если он сам не будет давать им делать то, что они считают необходимым, то как требовать от них результата? Тем более, что они несколько раз доказывали свою правоту.

Сидор вспомнил, как в один из прилетов Дейл, первым сходявший «в туалет», заметил, что «абрамчики» с Брайтона дали ему пистолет с раздутым стволом. «Бурундучки» три часа продержали его в аэропорту, пока хозяева не привезли новый «Глок». В тот раз Сидор, считавший, что никакого умысла здесь не было, а была простая безалаберность, не на шутку рассердился на своих охранников. Но уже в процессе переговоров стало ясно, что они идут совсем

не так, как должны были, и только ценой больших уступок и компромиссов удалось свести все дело к нулевому результату.

Потом Сидор, конечно, отыгрался, и партнеров, которые так грубо пытались его «продинамить», Чип и Дейл ставили раком уже на родной российской земле. Но тогда, летя домой, он не раз ловил себя на мысли, что одной ногой стоял в могиле, и что сделку удалось свести к такому результату только потому, что мальчики вытребовали себе нормальные «стволы» и «фирмачи» поостереглись «валить» его, когда охрана уже что-то заподозрила и готова к сюрпризам.

Сидор отвлекся, когда стюардесса, радушно проведя рукой над передвижным столиком с богатым выбором напитков, предложила ему выпить. Седой ловелас задержал взгляд на безупречной формы груди под тонкой форменной блузкой. «Слишком красивая, чтобы быть настоящей», – определил он, – «Хотя, чего в жизни ни бывает!» Девушка ослепительно улыбалась так, что казалось, будто у нее все сорок идеально белых зубов. Сидор посмотрел ей в глаза. Они не выражали ничего. Абсолютно. А ведь Дейлу она улыбалась вполне искренне!

Когда тебе минует шестьдесят, то свои способности нравиться молоденьким красавицам надо оценивать трезво. Сидор был из категории очень трезвомыслящих людей, поэтому такие обороты его не удивляли. Разве что огорчали немного.

Рядом с Сидором никто не сидел – полный салон первого класса набивается редко, это не автобус. Поэтому он не стал объяснять, что ему нужно, по опыту зная, что на быстрое понимание его вкусов и далеко не лучшего английского рассчитывать не приходится. Он сам нагнулся, взял со столика бутылку «Столичной», плеснул в бокал грамм сто и жестом отказавшись от протянутой бутылочки то ли с тоником, то ли с минералкой (фиг поймешь, чем эти янки обычно портят водку), медленно выпил, размеренно двигая морщинистым кадыком. Потом посидел несколько секунд с закрытыми глазами, внутренним зрением следя за тугой огненной струей, рухнувшей вниз и начавшей согревать его уже не такую горячую, как лет десять назад, кровь.

Он открыл глаза и успел заметить легкую гримасу брезгливости, которую стюардесса не успела согнать со своего лица. Через мгновение она уже улыбалась. Сидор усмехнулся, поблагодарил и добавил по-русски:

– Разве тебе это понять, летучая мартышка?

Девушка согласно кивнула головой, еще раз улыбнулась и двинулась со своим столиком дальше. А Сидор расслабленно откинулся в кресле. Что-что, а выпить он умел. Сто грамм без закуси как раз то, что ему было нужно, чтобы просто вздремнуть, освободив мозги от лишних мыслей. И подумать о чем-нибудь приятном, например, об Анечке, длинноногой двадцатитрехлетней чернявой козе. Она-то понимает, что тот, кто способен так пить – не сумасшедший спившийся русский старик, а крепкий, здоровый шестидесятилетний мужик.

Ну, а что делать с проворовавшимся Игорьком, решим на досуге. Времени хватает. А он пока пусть покумекает и потрясется. Впредь наука будет.

Анечка в отсутствие «папы» времени не теряла. В последнее время экскурсии по магазинам стали доставлять ей истинное удовольствие. До 17 августа это было обыденным мероприятием, даже скучноватым, она заходила туда только для того, чтобы выбрать себе какую-нибудь симпатичную вещицу или подкупить продуктов, если Сидор изъявлял желание поужинать в домашней обстановке, а не тащиться в кабак. Теперь совсем другое дело! Не считать деньги в магазине, когда кругом бушует кризис – это действительно приятно. Кто еще совсем недавно ходил по «шопам» с видом хозяина, теперь с поджатыми губами бродят среди витрин, разглядывая уже недоступное великолепие. А «папочка» дал ей возможность не выпасть из привычной жизни, когда все вокруг валилось в тартарары.

Хотя, честно говоря, утверждать, что Сидор ее баловал, было бы преувеличением. Он никогда не давал ей крупных сумм, зная, что она любые деньги промотает за день. Давал понемногу, но часто. Сегодня, например, уезжая, он подкинул ей пятьсот «баксов». Не шикарно, учитывая, что на них нужно протянуть неделю.

Заметив такси, Анечка махнула рукой, и машина тут же прильнула к тротуару, грубо подрезав сильно подержанный «Мерс». «Частникам» Анечка не доверяла. Она села на заднее сиденье и назвала адрес, не опускаясь до разговоров о цене. За окном замелькала залитая неоновым огнем Москва, а Анечка вернулась к своим мыслям.

Как прожить неделю на пятьсот «зеленых»? Точнее, на четыреста – Сидор еще в воздухе, а сотни уже нет. Правда, холодильник – «двухметровый красавец швед» – забит под потолок, но не на еду же ей нужны деньги! Можно стрельнуть у Игорька, его, почему-то, в этот раз с собой в Штаты не взяли. Но он порядочный жмот, и тратит только на себя и свои удовольствия. То есть он вполне может сводить ее в ресторан и потратить там за вечер пару «штук», но на сумочку за пятьдесят «баксов» у него нужно выпрашивать весь вечер, а это слишком унижительно.

Вообще, он какой-то не такой. Один раз Сидор попросил Игорька сводить ее в ночной клуб, где должен был выступать Валерий Сюткин, в которого она была тайно влюблена. Они там очень мило посидели. После этого Игорек еще несколько раз водил ее по разным заведениям, уже по собственной инициативе, и при этом явно «клеил ласты». Анечка, натура романтическая и к ухаживаниям нестойкая, решила приветить молодого человека и пригласила его к себе на «рюмку чая». Посидели, послушали музыку. Она ему предложила «нюхнуть», тот вежливо отказался. В общем, все было нормально.

Но когда дело дошло до самого интересного, то есть до того зачем, по ее разумению, и пришел Игорек, тот, вдруг, разнервничался, сорвался, как оглашенный, и сбежал, едва не забыв брюки.

Анечка долго не могла понять, что же так смутило парня. Ведь не первой же она у него была, однозначно! Но потом, понаблюдав и поразмыслив, она догадалась, что этот мальчишка попросту панически боится своего шефа и кормильца, Сидора. И с ней он шуры-муры завел для того, чтобы со своим страхом справиться. А вот не получилось.

И правильно делает, что боится, интеллектual чертов. Сидора стоит бояться. В самом начале их взаимоотношений Анечка пренебрегла советом своего пожилого бой-френда не заводить знакомств на стороне, так как он очень ревнив, и позволила старому приятелю пригласить ее в ресторан.

Когда они поздно вечером подъехали к ее дому, оказалось, что у самого подъезда стоит черный БМВ Чипа. Об этом она догадалась, когда с ее стороны открылась дверца и Дейл, вытаращив в улыбке свои лошадиные зубы, галантно протянул лапищу и пригласил:

– Прошу Вас, мадам!

Она, еще не осознавая всей серьезности происшедшего, протянула свою руку с улыбкой:

– Мерси!

В этот момент сзади раздался «Чмок» открывающейся дверцы автомобиля и, почти тут же, странный звук – «Кхык». Она обернулась и увидела, как Чип извлекает из машины ее приятеля, судорожно открывающего и закрывающего рот. Анечка хотела что-то сказать, но Дейл вежливо-настойчиво потянул ее за локоть со словами:

– Ступайте домой, сударыня. За гражданина не беспокойтесь – никакого насилия, чисто деловая беседа.

Он развернул ее и легонько хлопнул по спине. Так легонько, что она сделала шагов пять по направлению к подъезду почти бегом. Не оглядываясь, она добежала по лестнице до квартиры.

Сидор был там. Он осуждающе посмотрел на нее и покачал головой:

– Как же так, девочка? Я ведь тебя просил. Садись сюда, – он жестом показал место рядом.

Она безропотно опустилась на диван. Когда Сидор о чем-то просил, не было ничего глупее, чем ерепениться. Это она уже поняла.

– Первое наказание будет чисто символическим... – он неожиданно обнял ее за плечи, опрокинул себе на колени, задрал юбку и раз пять звонко шлепнул по круглой попе. Было почти не больно, но ужасно обидно. Он отпустил ее и, пока она приходила в себя, веско произнес:

– Не делай так больше никогда. Если тебе захочется в «свободное плавание», скажи мне, я не буду тебя удерживать. И ничего вернуть не потребую. Но пока ты со мной, у тебя больше никого не будет. Я никогда не предупреждаю дважды. Это только в сказках дают возможность ошибаться три раза.

Сквозь слезы она посмотрела в его глаза. Там не было ничего такого, что она ожидала увидеть – ни угрозы, ни холода, ни жестокости. Скорее даже сожаление и участие. Но еще жесткая, железная непреклонность. Спорить с таким взглядом невозможно.

– Теперь иди в ванную, приведи себя в порядок. Сегодня я не останусь – не хочу рисковать оказаться вторым. Увидимся завтра.

Больше таких проблем у них не возникало. Анечка была девицей легкомысленной, но, отнюдь, не глупой.

Парня того она еще видела пару раз, но тот ее демонстративно не замечал. Похоже, Чип и Дейл умеют подбирать слова в «деловых беседах».

Вот это парни! С ними бы она с удовольствием пообщалась «накоротке». Особенно с Чипом. Дейл какой-то простой и мужиковатый. Сидор его, наверное, держит только из-за габаритов – шкаф шкафом. Но эти ребята относились к ней почти так же, как к машине шефа. Дорогая блестящая игрушка, прихоть хозяина, за которой нужно приглядывать, чтобы не испортилась и не причинила ему неприятности. Ведь машины имеют странную особенность врезаться в деревья, а иногда еще и взрываться. А девицы норовят завести знакомства, вредящие шефу, и выболтать то, чего другим знать не полагается.

Анечка расплатилась с водителем и поднялась на второй этаж в свою квартиру, которая со времени знакомства с ее благодетелем разительно изменилась. Комнат в ней не прибавилось – как было две, так и осталось. Но теперь она превратилась в очень уютное и теплое гнездышко.

Девушка захлопнула дверь, сбросила плащ на пол, прошла внутрь, раздеваясь на ходу. Когда она дошла до ванной, на ней оставались только высокие мягкие сапоги, чулки и трусики, которые на ходу не скинешь. Она взялась за ручку двери, но, чуть подумав, вернулась в комнату и достала из ящичка в трельяже маленький пакетик с белым порошком.

Это был кокаин Сидора. Изредка, чтобы расслабиться после трудного дня или, наоборот, обострить чувства при сексе, он «забрасывал понюшку». Но делал это крайне нерегулярно и наркоманом не был. То ли его странный мужицкий организм не поддавался привыканию, то ли железная воля удерживала. Он и ей пару раз давал нюхнуть, но однажды она сама его попросила. Сидор изменился в лице, подошел к ней, больно сжал плечи и, глядя в глаза, сказал:

– Знаешь, девочка, я тебя почти люблю. Но если ты станешь наркоманкой – вышвырну на помойку. И не буду об этом жалеть ни секунды.

С того дня она позволяла себе микродозы раз в две-три недели. И ее почти не ломало, не сильнее, чем обычное похмелье. Наверное, аура Сидора действовала и на окружающих.

Она посмотрела на пакетик. Такой же она видела у Сидора дома. Она погрузила в порошок длинный блестящий ноготь большого пальца, поднесла его к трепещущим ноздрям и с силой втянула воздух, успев подумать, что в этот раз, кажется, перебарщивает. С удовольствием она оглядела в большом зеркале свою стройную фигуру, хихикнула, заметив, что нос перепачкан в кокаине, как будто она рылась в муке, обтерла его ладошкой и, почувствовав, что краски становятся ярче, а в ушах появился легкий гул, поспешила в ванную. Там она включила воду и опустилась на дно.

Голова закружилась. Сначала тело полегчало, и ей казалось, что она сейчас взлетит. Вскоре она обмякла. Руки, закинутае за голову, сползли вниз, задержавшись на груди, и по ней словно пробежал электрический разряд. Соски моментально взбухли и затвердели, внизу живота разлилось море огненной лавы. Горячая вода, сбегая по бедрам, вызвала целый табун мурашек, поскакавших по всему телу.

Она вздохнула и сдалась окончательно. Одна рука принялась ласкать грудь, теребя и сдавливая сосок до боли, а вторая потянулась вниз, вниз...

...Ускользающее сознание успело отметить, что она так и не сняла оставшуюся на ней одежду...

...Несносный старик вернется только через неделю. Черт бы его побрал с его командировками. Так трудно без мужчины...

Ранним утром, когда солнце только позолотило шпили «высоток» и они стали похожи на свечки, Сидор-младший вышел из вагона на перрон Казанского вокзала. В руках у него была только небольшая спортивная сумка. На этот час приходился самый пик прибытия поездов дальнего следования, и, несмотря на ранний час, вокзал был заполнен встречающими, транзитниками и теми из прибывших, которые еще не решили, куда им в столице податься. Петр Сидоров, он же Сидор-младший, был очень похож на отца, только на голову выше и еще шире в плечах. Такое же простое русское лицо, выщипанные русые волосы, но еще не тронутые сединой.

Петр страшно не любил внедренную в России систему, когда поезда приходят в Москву ни свет, ни заря. В поезде он подолгу не мог заснуть, поэтому приезжал совершенно разбитым. Он купил традиционную по приезду бутылку «Афанасия» и пошел к стоянке такси. Подвезти предложили еще на перроне, но «бомбер» запросил до Сокольников сотню и, поскольку папа с детства приучил его не «башлять» наглецов и дармоедов, сделка не состоялась. На стоянке договорился в два раза дешевле и, сев в потрепанный «Опель», за десять минут добрался до дому. Отсюда до знаменитой «Матросской тишины» было рукой подать, и папа частенько посмеивался, что, мол, Петруша хату выбирал с умыслом – присматривался к будущим апартаментам. Неприятный юмор, но папа не Петросян, это не его стихия.

Младший заварил кофе и, поглядывая на часы, уселся в кресло ждать. Надо было срочно переговорить с отцом, но в это время его в офисе, наверняка, еще не было.

Настроение было препоганейшим. Поездка в Тольятти не давала повода для оптимизма. Автомобильный бизнес, которым он занимался, дал трещину. Иномарки, продававшиеся, большей частью, в его фирме, с августа перестали пользоваться спросом. Надо было переориентироваться на «Жигули», но запас «шестерок» и «девяток» быстро таял и если срочно не исправить положение, то клиентура быстро потеряет интерес к его фирме.

Подвязки в Тольятти были неплохие, через них он и раньше брал тачки с завода, пока не переключился на иномарки. Работали пацаны «наглухо». Весь сбыт был под контролем братвы. Даже машины им делали по спецзаказу. «Спецзаказ» оформлялся просто: ребята приходили с мастером на конвейер, тот выбирал им кузов покрепче, затем на листочке писали требуемые примочки, и ставили машину на поток, где работяги навешивали на нее требуемое. Если кто-то выполнял работу некачественно, виновного быстро находили и наказывали, но такое случалось крайне редко. Получить с завода партию машин без санкции братвы было почти невозможно.

К этим людям Петр и поехал, надеясь поправить дела. Но в Тольятти его ждал неприятный сюрприз – оказалось, что местные РУОПовцы, раздраженные наглостью бандитов, еще летом провели операцию по «зачистке» завода и с треском вышибли оттуда братву. Музыка, конечно, играла недолго. В скором времени хорошо заплаченные чиновники свели результаты «налета» на нет, ментов, образно говоря, сунули мордой в грязь, показав, что они значат. У многих были неприятности по службе, а некоторым, даже, пришлось уволиться из органов.

Мафия победила и вернулась туда, откуда ее вышвырнули, как помоечного кота, за шкуру. Деньги в очередной раз оказались сильнее автоматов.

Но под эти фанфары пришло много совсем других людей, которых Петр не знал, силы были, в значительной мере, перегруппированы. Те, с кем он работал раньше, уже не могли предоставить прежние льготы – надо было зализывать нанесенные РУОПом раны.

Понаблюдав, поговорив со знающими людьми, младший вышел на команду, которая обещала лучшие машины по самой низкой цене, гораздо ниже заводской. Одна проблема – с нового человека они требовали предоплату. Имя Сидора для них ничего не значило. После долгих и утомительных переговоров Петр сумел договориться о том, что он платит пятьдесят тысяч «баксов», забирает десять «девяток» и столько же «десяток», а остаток возвращает через месяц. Кроме того, «братки» намекнули, что если он проплатит им сто пятьдесят, то машин дадут больше, цену еще сбросят, льготы увеличатся, и, в последующем, он будет им лучшим другом и сможет брать товар без денег, на реализацию.

В поезде Петр еще сдерживался, но дома дал волю чувствам. У него не было не только ста пятидесяти, но и просто пятидесяти. На руках тридцать, а двадцатку еще искать надо. Бесило другое – то, как держались эти дельцы. Дерзко, вызывающе. На компромиссы не шли, торговаться отказывались. Они, явно, чувствовали себя хозяевами, хотя сами были совсем из другого города. То ли мордва, то ли татары, то ли еще кто – Сидор-младший в этих тонкостях не разбирался.

Чип и Дейл бы всю эту Поволжскую республику на уши поставили. Может и не вдвоем, но точно организовали бы почтение к фамилии. Да что мечтать! Надо решать, где взять деньги. О своих ресурсах нечего и думать. Даже если, паче чаяния, его салон вдруг заработает, то деньги, все равно, не снимешь – должен поставщикам, а им дефолт не объявишь, такие фокусы проходят только у Кириенко. Остается просить у папаша. Но этот вариант тоже фифти-фифти. Сидор сына не баловал, говорил: «Помру – все бабки твои. А пока крутись сам».

Петр вспомнил, как отец, приходя домой и принося подарки и шоколадки сыновьям, не отдавал их им, а раскладывал и развешивал по всему большому дому в самых недоступных местах и говорил: «Доставайте, если хотите». Семилетний Антоха включал соображалку – где табуретку подставит, где шваброй спихнет, где сшибет тапочкой. А трехлетний Петька только ползал за братом и ревел от отчаяния и обиды. Делиться отец не разрешал, шутя, конечно.

Потом Антоха скармливал младшему утаенные сладости. Петр так и запомнил это чувство благодарности брату и счастье, когда сам в первый раз добыл «трофей».

Антон сгинул в бездне Афганской войны в 84-м, когда гонялся по Панджшеру за Ахмад-Шахом Масудом. В том же году, получив «похоронку», слегла и через три месяца умерла мать, а отец как-то очень быстро поседел. Второго сына он в армию не отпустил, и хоть любил он младшего даже больше Антона, но воспитывать с тех пор стал еще жестче, даже сурово.

Петр улыбнулся грустно своим воспоминаниям, посмотрел на часы. Полдевятого. Отец, наверное, уже в офисе, «смазал задницы» своим работникам. Самое время позвонить. Может удастся уломать, хоть под проценты, как обычный кредит, только очень быстро.

Когда секретарша ответила, что шеф улетел еще вчера в Америку и из руководства сейчас только Игорек, но он еще не появился, Петр изменился в лице. О т человека, минуту назад умилявшегося детским воспоминаниям, не осталось и следа.

Он в ярости швырнул трубку. Папаша чертов! Тут все рушится, а он по Америкам летает! А Игорек этот, пидор. Может папаша его и не зря ценит, можете он и умный невообразимо, но он хитрый и скользкий, как уж. Наверняка ведь подворовывает, сука! Поймать бы, да удавить.

Младший снова в отчаянии повалился в кресло. Надо где-то срочно найти денег. Сроку – неделя, самое большое – две. Потом делу каюк!

Утро одарило Игорька самым отвратительным состоянием духа. Да и откуда было взяться хорошему настроению? На голени вздулась посиневшая опухоль, голова потрескивала, как перезревший арбуз. Мозги, казалось, сжались в тяжелый свинцовый шарик, подвешенный на ниточке к макушке, и при любом движении он стучался в стенки черепной коробки. Внутренности подрагивали, вызывая ежеминутные приступы тошноты. Крутым мужиком он себя уже не ощущал, ничего разбить уже не хотелось, хотелось только спрятаться, пропасть, исчезнуть. Заглушенный вчера выпивкой страх выполз наружу. И похмелье только добавляло ему остроты.

Он уже позвонил в офис и предупредил, что болен и не придет, возможно, несколько дней. Он мог себе это позволить в отсутствие хозяина. Его задачей было вести личные дела Сидора, следить за юридической безупречностью совершаемых сделок и контролировать работу подразделений фирмы. Сами сделки и проекты осуществляли совсем другие люди. Так что его присутствие на рабочем месте было необходимо лишь в ключевые моменты.

Телефонная трель прервала его посталкогольную медитацию. Он с трудом заставил себя поднять трубку.

– Алло, это Игорек?

Игорек поморщился. Все звали его только так, уменьшительно, включая охранников, секретарш и шоферов. А ведь он, фактически, второе лицо в фирме. Когда-нибудь он заставит их всех уважать себя.

– Да, это я.

– Петр тебя беспокоит. У меня к тебе дело.

– Слушаю тебя внимательно, – выдавил Игорек, растирая лоб. Только дел еще не хватало для полного счастья.

– У меня неплохая сделка наклеивается. Но денег не хватает. На руках, я имею в виду. Чтобы собрать время нужно, а его нет. Батя в отъезде, а я неделю ждать не могу. Выручишь? Надо двадцать штук.

– «Баксов», разумеется?

– Конечно, мы же по мелочам не размениваемся, – шутливым тоном подтвердил Сидор-младший. Игорек поморщился презрительно. «Двадцать штук для него не мелочь. Дешевка».

– Видишь ли, Петр, – устало произнес он вслух. – Знаешь, за что твой отец платит мне деньги?

– Ну? – безразлично спросил Петр, понявший, куда клонит его собеседник.

– За то, что я вижу, когда предприятие безнадежно и не даю ему туда вкладывать средства. Если я начну заниматься благотворительностью, он в тот же день турнет меня с работы.

– Навар будет, Игорек, – сделал попытку Петр, – Процентов семьдесят. Половина – твоя.

– Спасибо за предложение, – остался непреклонен Игорек, – но я знаю положение твоей фирмы. Вкладывать в тебя – слишком большой риск. Сидор бы не одобрил. Извини, но твоя торговля дышит на ладан. К тому же у меня своих таких денег нет, а если я трону деньги Сидора без спросу, он меня сожрет.

– Мельтешишь, парень. Чтобы отказать, две причины придумывать не обязательно, достаточно одной, – зло ответил младший. – Ну да ладно, хрен с тобой, живи по-своему, сочтемся когда-нибудь.

Петр бросил трубку, и Игорек со злорадной улыбкой представил себе, с какой силой он это сделал. Хорошо, если аппарат не разбил. Пусть побесится, не мне одному страдать. Наверное, не очень хорошо так «опускать» сына хозяина, ну да нам с ним детей не крестить. Помогите! Мне бы кто помог!

Но долго радоваться не получилось, собственные проблемы не дали. Они требовали разрешения, причем, очень быстрого.

Прежде всего, нужно было понять, откуда Сидор получил данные по этому счету. Сам банк отпадает, что бы ни происходило в Швейцарии, они могут рассекретить счета нацистов, но рассказывать всем подряд кто и сколько вложил денег они не станут. Утечка была раньше.

Где он мог проколотся? Сделка была крупной и очень запутанной, проводили ее молодые ребята из отдела недвижимости, контролировал, чтобы они не засыпались, Игорек. Они с каждой бумажкой к нему бегали. Сидор решил прикупить небольшой курортник в Альпах, для этого продали дом в Берне и бунгало на Женевском озере недалеко от Лозанны. Для этих операций пришлось привлекать массу посторонних людей и организаций – риэлторов, оценщиков, юристов и прочих. Задействованные капиталы исчислялись в миллионах долларов, гонорары за многочисленные услуги распылены среди доброго десятка фирм и контор. В этой сумятице умыкнуть шестьдесят пять тысяч не составило труда. Ведь следить за использованием средств должен был сам Игорек.

Курорт Сидор брал на паях с одним швейцарцем. Хотя, на паях – сильно сказано, швейцарцу приходилось меньше десяти процентов. Сидор себя не афишировал, но и особо не скрывался. Его представляла офф-шорная компания на Кипре. Поэтому Игорек и не стал сбрасывать «уворованное» в киприотский банк, где хранил большую часть своих «заначек». Было бы слишком подозрительно, если бы деньги, пришедшие с Кипра, обратно туда же и вернулись. Пришлось переводить в Цюрих, Фернан так посоветовал. Игорек перевел на три подставных фирмы двадцать, тридцать и пятнадцать тысяч. Пятнадцать причиталось Фернану, а остальные он должен был перевести на заранее открытый Игорьком счет. Все было чисто. Что же случилось?

Игорек хлопнул себя по лбу, тут же застонав от глухой боли. Фернан! Вот слабое звено! Французскоподданный Фернан, а на самом деле офранцузившийся турок Фарид, жуликоватый чернявый живчик, азиатский коммерсант от рождения, работал с Игорьком с самого начала его карьеры. Он сам вышел на Игорька, когда тот, в порядке испытания, контролировал сделку по покупке десяти «Рено» для автосалона Сидора-младшего. Фернан подсел к нему за столик в баре отеля, и предложил свои услуги по уводу денег у хозяина. Сначала Игорек оторопел и подумал, что это подставка. Но Фернан его успокоил. Свое предложение он объяснил просто – он давно работает с русскими, и понял, что он в душе русский. Он понимает русских. Им нужно одно и то же, то есть работать на кого-то, получая деньги для себя. Хорошие деньги.

Они проговорили долго и Фернан-Фарид сумел его убедить. Главным аргументом было то, что он занимается этим с русскими уже пять лет, и еще ни разу не прокололся. Весь его бизнес состоит в том, чтобы мотаться по свету, открывать фирмы, получать деньги, переводить их куда надо и закрывать фирмы.

В тот раз Игорек от «левака» благоразумно отказался, но взял координаты будущего партнера. Через полгода, когда он уже прочно занял свое место в окружении Сидора, почувствовал вкус денег и понял, что ему нужно больше, он нашел Фернана. Оказалось, что тот его не забыл. И колесо закрутилось. Сначала на малых оборотах – по пять-шесть тысяч, потом по десять. Фернан брал себе 20 процентов. Наконец, они «срубили» приличный кусок и, кажется, он оказался им не по зубам.

Игорек вспомнил, что неделю назад Дейл зачем-то летал в Марсель, где как раз Фернан держал магазинчик и меняльную контору. Никаких дел тогда во Франции у Сидора не было. Теперь цель того визита стала ясна. Как «бурундуки» вышли на Фернана, неизвестно, но у них свои методы, и то, что турок первый раз в своей карьере прокололся, было очевидно. Кстати, с тех пор Фернан не звонил ни разу, хотя раньше он это делал по два раза в неделю – напоминал о себе и планировал свой график.

Игорек похолодел. Если они раскололи Фернана, что не вызывало сомнения, значит просьба объяснить происхождение швейцарского счета, только первая ласточка. Сидор просто

с ним играет, заставляет попотеть, понервничать. Дейл, наверняка, вытащил из него и остальные счета. А на них, ни много, ни мало, около ста тысяч долларов, спертых втихаря по мелочам.

За такие бабки Сидор и сынка родного удавит!

Эта мысль просто парализовала Игорька, сердечко заколотилось, как мышшь в когтях кота. Стало трудно дышать, в голове появился тихий навязчивый звон, в глазах зарябило и задрожали губы. Это не просто неприятности, это конец.

Если все это так – а это именно так – то бояться ему нужно не за карьеру и деньги. Теперь бояться нужно за свою жизнь, которой, похоже, ему отмеряно только неделю.

Анечка проснулась от холода. В окно уже вовсю светило солнце. На ней были все те же трусики, чулки и сапоги. Она лежала ничком на диване ничем не укрытая. Как она выбралась из ванны и почему не утонула, она не имела ни малейшего представления. Все тело ломило, особенно суставы, их как будто дрелью сверлили. Крупная дрожь дополняла картину классической ломки.

Девушка застонала и, потянув на себя уголок шерстяного пледа, попыталась в него закутаться. Помогло мало. Помучавшись минут пять, она приподнялась, с огромным трудом стянула с себя мокрые сапоги, едва не упав на пол, покачиваясь встала и нетвердой походкой пошла на кухню. По пути она задержалась у зеркала. Печальное зрелище! Прическа растрепалась и висела сосульками, лицо осунулось, тени растеклись. Женщина в зеркале мало чем напоминала стройную озорную брюнетку, вчера вытиравшую перед этим же зеркалом испачканный нос.

Взгляд упал на ящичек, в котором лежал пакетик с проклятым зельем, и рука сама потянулась к нему. Потянулась, и застыла на полпути. Авторитет Сидора был настолько силен, что мешал ей расслабиться даже сейчас, когда он был за много тысяч километров от нее. «Вот так и становятся наркоманами», – пробормотала Анечка и, отдернув руку, отвернулась и побрела, куда собиралась. В том, что Сидор «вышвырнет ее на помойку», она не сомневалась ни секунды. А тогда уйдет не только беззаботное существование, но и бесплатный «кайф». Жизнь наркомана ее совсем не прельщала, слишком много было примеров – ее школьная подруга, красавица и умница, сейчас бичевала на «трех вокзалах», превратившись в замызганное и потасканное существо неопределенного пола и возраста. А ведь начала она всего пару лет назад!

Такая жизнь Анечку не устраивала. Да и Сидор что-то для нее значил. Не любовь, конечно, какая может быть любовь у двадцатитрехлетней девчонки к шестидесятилетнему «мальчику»? Но и не только благодарность за то, что он ее содержит. Скорее признательность, уважение к его силе и чувство надежности, защищенности тыла, которое так и исходило от него.

Но маленькая, малюсенькая «понюшка» привела бы ее сейчас в чувство! Совсем чуть-чуть, чтобы только унять эту противную дрожь и вышибить из головы застоявшуюся муть. Она шагнула в сторону коридора, где стоял трельяж, но в последний момент отшатнулась и, схватившись за ручку двери, с треском ее захлопнула, чуть не выбив стекло.

– Нет! – проскулила она. Обхватила голову руками и сползла по стене на пол.

Просидев так несколько минут, Анечка встала, и включила кофеварку. Попробуем оживить себя горячим кофе. Потом горячий душ – и в чистую теплую постель. И спать, спать. Это должно помочь. День, все равно, пропал. Куда выйдешь в таком состоянии? А уйти бы не мешало, чтобы этот чертов порошок не маячил перед глазами. Спустить бы его в унитаз, да Сидор такого порыва не оценит.

Как же не вовремя он уехал! Так и наркоманкой сделаться недолго. Надо ему сказать, что она – не герой, и испытывать ее волю не стоит. Сама она наркоту покупать не станет, а вот от соблазна может не удержаться. Лучше просто не хранить у нее эту пакость.

Ладно, сегодня посидим дома. Заодно и деньги сохранней будут.

Она тихонько засмеялась. Если проснулось чувство юмора, значит она еще жива. Еще шесть дней потерпеть, а с Сидором ей сам черт не страшен.

Весь день Игорек находился в ступоре. В голову не лезла ни одна мысль. Все они кружились вокруг него, как пчелы над ульем, и он не мог поймать ни одну. А если и удавалось зацепить какую-нибудь за хвост, то она жалила его не хуже шершня. Он не мог ни есть, ни пить, панический страх скручивал его до тошноты.

В обед он включил телевизор и сел перед ним в глубокое кресло, тупо таращась в экран и силясь понять, что там показывают. Ближе к вечеру он осознал, что смотрит программу «Ортодокс» по «Культуре» и понял, что скоро сойдет с ума. Хочешь – не хочешь, но нужно было запускать в работу голову.

К сожалению, он понимал, что это, в общем-то, бесполезно. Он держал в уме сотни страниц всевозможных законов, инструкций и кодексов, да еще и не одной страны. С равным успехом он мог найти лазейку в уголовном законодательстве, обойти углы на таможне и проверить бухгалтерскую отчетность банка. Он был сверхуниверсалом, своего рода гением. Но сейчас никто от него ответа и не ждал, ему просто дали помучиться перед казнью.

Бежать! Единственный выход. Но куда? В свой родной «Мухосранск»? Да там крутым считается тот, кто ездит на «девятке». Зачем нужна такая жизнь? В принципе, сейчас можно уехать куда угодно, паспортный контроль существует только на бумаге. Со своими мозгами он пробьется везде. Но в том то и проблема, что «поднявшись», он станет замечен, а прозябать в мелкой адвокатской конторе – что может быть скучнее? Податься в услужение бандитам? Может быть. Возможно, они даже смогут прикрыть его от Сидора, и он сможет жить вполне легально. Но далеко не факт, что слово Сидора не перевесит пользу от Игорька. Да и положение будет весьма неустойчивым – криминал есть криминал.

Мысль начала работать, Игорек ожил, пальцы забарабанили по подлокотнику кресла. Но внезапно он вспомнил, как полгода назад «бурундучки» привезли в загородный дом контрактика из Таджикистана. Этот парень раньше работал в отделе охраны фирмы. Будучи под градусом, он на служебном «Шевроле» сбил кого-то на улице, скрылся с места происшествия, но через пару кварталов вlepил машину в столб. Машина восстановлению не подлежала, а парень исчез. Мало того, что он причинил Сидору прямой ущерб в сорок тысяч долларов, так еще и подставил его под разборки с милицией, так как машина была записана на фирму.

Милиция его найти так и не смогла, а вот Чип и Дейл нашли. Нашли в Таджикистане, где вовсю шли боевые действия, и привезли в Москву прямо в военной форме. Что с ним стало, Игорек не знал, но был уверен, что мало тому не показалось. Так что, ничего из этого не выйдет.

Можно начать новую жизнь, как Фернан. До того, как стать французом, тот, по его словам, пять лет оттрубил в Алжире в Иностранном легионе. Но какой из Игорька легионер?! Русских там, говорят, ценят, но совсем не таких, как он.

С деньгами можно было бы за границу уехать. Но раз счета известны, то они под контролем, и при первой попытке снять деньги он засветится, и к вечеру будет в Москве. А на руках какие-то несчастные пятнадцать штук!

Попросить отработать? У кого угодно, но не у Сидора. Плевать он хотел на сто пятьдесят тысяч. Примерное наказание – вот что его заботит. Как бы распяť провинившегося так, чтобы остальные узнали и испугались, а доказать факт казни было бы невозможно.

Куда ни посмотри – всюду задница. Игорек непроизвольно застонал от отчаяния. На фиг нужны такие мозги, если не могут найти выхода? Что, просто сидеть семь дней и ждать, когда они приедут и прикончат его? Лучше опередить.

Трах!!!

Игорек вскочил, опрокинув стоявший перед ним столик с кофейником и чашками. Эта неожиданная мысль повергла его в шок. Она была настолько невозможной и, в то же время, настолько единственной, что он лишился дара речи. Он сам испугался своей мысли.

Убить Сидора?! Как?! Само слово «Сидор» было синонимом незыблемости, неуязвимости, вечности. Его пытались убить очень большие люди, нанимавшие настоящих профессионалов. Результат на лицо. Пройти через «бурундучков» не смог еще никто. Они считали на десять ходов вперед и предполагали покушение раньше, чем об этом задумывался заказчик.

Нет, это определенно невозможно! Но это единственная возможность остаться в живых.

Игорек обессилено рухнул обратно в кресло. Собрался с духом и, преодолевая страх, робко запустил мысль в этом направлении.

Сидор не подозревал о планах Игорька. Он расслабленно сидел на крылечке загородного домика в лесу, километрах в тридцати от Сизтла. Сразу по прилету его пересадили на частный самолетик и переправили сюда, на север. Сидор терпеть не мог больших американских городов, в которых всегда было душно и жарко. Он с ужасом вспоминал, как его разок свезли поразвлекаться в Лас-Вегас. Он там чуть не сдох от жаркого ветра из пустыни, тем более, что в казино ему было скучно, азартным игроком он не был. Перерос, видимо.

Ни Флорида, ни Калифорния его не привлекали. Там было столько почти обнаженных красавиц, что они не вызвали никакого интереса. Наконец его партнеры сообразили, что ему нужно, и показали этот домик, который он немедленно купил. Обошелся он недорого, меньше ста тысяч. Маленький, аккуратный, уютный. Кусок леса в полгектара, хорошая дорога, никаких соседей – что еще нужно немолодому мужчине, чтобы останавливаться два — три раза в год на несколько дней? Ему предлагали в остальное время сдавать домик внаем, но он с презрением отказался. Чтобы еще кто-то спал в его постели и ел на его кухне?! Русскому это не подходит. Только надежный сторож из своих, эмигрантов последней волны.

Природа здесь чем-то напоминала Подмоскovie. Те же сосны, елки, даже березки. Чистый ручей неподалеку. Белочки, птички. Идиллия.

Дело, по которому он приехал, и делом то назвать было нельзя. Нужно было договориться об открытии турфирмы, чтобы поставлять клиентов в купленный швейцарский курорт. Американцев Сидор недолюбливал за их снобизм, уверенность в том, что только они знают, как все должно быть, стремление всех учить и постоянную потребность совать свой нос в чужие дела. Но у них много денег и они часто путешествуют. Сейчас даже захудалый американский водитель автобуса может позволить себе время от времени скатнуться в Европу. Неплохо с деньгами еще у арабов и японцев. Но арабы предпочитают иные развлечения, чем катание с горки на лыжах. А до япошек еще руки не дошли, и заниматься ими будет кто-нибудь другой, Сидор не понимал их психологии и старался поменьше с ними общаться. И здесь все мог сделать любой сотрудник его фирмы, но Сидору хотелось развеяться, подумать на досуге, которого при такой «нагрузке» должно было быть много. Работы вообще не предвиделось – «абрамчики» обещали все сделать сами, а ему оставалось только утвердить то, что они подготовят. Игорек бы здесь не помешал, но это другая песня. В мелочах «абрамчики» его не наддували, боялись потерять крупные сделки.

Голова побаливала – вчера крепко отметили приезд. Наши «американцы», похоже, пить не разучились. Чип проверял охрану по периметру, а Дейл сидел рядом и протирал разобранный по косточкам «Глок», вполголоса матеря «вояк», до такой степени запустивших оружие.

Сидор посмотрел на стоявшую на столике бутылку «Столичной» (местной водки он не употреблял), встал и наполнил рюмку. Пора было приступать к «утренним процедурам». Две рюмки, не больше. Иначе это уже не опохмел. Он аккуратно выпил, закусил малюсеньким маринованным огурчиком, закурил сигару и снова сел на крылечке, проигнорировав кресло.

Утреннее солнце приятно грело кожу, которую охлаждал не прогретый еще воздух. Здесь, в Штатах, проблем быть не должно, а вот дома их хватает. Пора было их решать.

Петрушке надо бы помочь. Засыпался он со своими автомобилями. Пацан, позарился на блестящее, набрал иномарок, теперь сидит на них, как на недвижимости – ни продать, ни вернуть. Ведь коту было ясно, что в нашей стране не то что назавтра загадывать нельзя, не знаешь, что сегодня вечером будет. Или брал бы тогда крутые внедорожники и спортивные машины. Бандюкам, основным потребителям этого товара, любой кризис – до ширилки.

Надо будет переговорить с людьми на АВТОВАЗе. Пусть дадут ему под реализацию партию-другую. И с жульем договориться, чтоб не мешали, а то после того шороха, который им РУОП устроил, они сейчас злые и оголодавшие. Только сделать надо аккуратно, чтоб Петрушка думал, что он сам это провернул. Если ему просто денег подкинуть, то он расслабится. Пусть крутится, крепче будет.

С Анечкой надо что-то делать. Не на пользу кокаин девчонке. Зря у нее пакет оставил. Она баба неглупая, но все-таки баба. Может не утерпеть. А если втянется, то уже не остановишь. Терять ее совсем не хочется, привык уже. Ласковая такая, лапочка. Все, с порошком завязано, пусть шампанское пьет.

Ну, и самое главное, Игорек. Сидор давно уже засек, что тот «ходит налево», разведка не дремлет. Но не разрешал парням брать его в оборот. Светлая голова, но слаб характером и опыта никакого. Потому и повелся на легкие деньги. Мало ему, что ли? Пять штук в месяц чистыми, плюс процент от проведенных операций. За тот курорт он двадцатку поимел. Квартиру ему купили, машину дали, что еще надо? Хочешь иметь большие деньги – заводи свое дело. И куда он их девает? В казино не ходит, широко не гуляет. На пенсию, что ли собирает?

– Что с Игорьком-то делать будем? А, хомяк? – задумчиво обратился Сидор к Дейлу.

– К ногтю его, что же еще, – не отрываясь от занятия, ответил телохранитель.

– Нет. Пусть живет. Он мне нужен.

Дейл даже уронил какую-то деталь, в немом изумлении воззрившись на хозяина. Это что-то новенькое!

– Думаешь, стар я стал, размягчел? – усмехнулся Сидор и, увидев, как Дейл замотал головой, махнул рукой. – Да ладно башкой-то размахивать – думаешь. Может и так. Но я его выкормил и вынянчил. Я его со второго курса юрфака вел, он еще в каком-то колледже на экономиста заочно учился. Поболтал с преподавателями. Атас, говорят, а не парень. Не голова – компьютер. Приплачивать я ему сразу стал, но дал доучиться. Так что он знал, куда после учебы пойдет. Ты сечешь, как он работает? Только пришел, на первой же бумажке отличился. Контракт какой-то на экспорт. Маркировка, говорит, не соответствует. Я ему – мол, откуда ты знаешь, ты же по уголовному праву шел? Тот только улыбается. И ведь точно, на таможне груз тормознули, и месяц пацаны его из отстойника выцарапать не могли.

– Так что же, простить, что ли? – оторопело произнес Дейл.

– Ну, нет, конечно. Припугнем. Пусть покакает жидко. Деньги вернет. Завещание напишет. А мы его помилуем. Потом он будет, как конь работать!

– Не будет, шеф. Свой страх люди не прощают. Он только и будет думать, как отомстить.

– Нет, парень. Ты моложе, всех тонкостей психологии не знаешь. И я ее не в институте изучал, а в жизни. Если я тебе руки свяжу, подведу к стенке, упру ствол в затылок, а потом скажу – ладно, живи – и развяжу, ты тут же развернешься и мне в морду заедешь. Чип не заедет. Он поблагодарит и останется работать. А потом выберет момент и засунет мне ножик под ребро. А Игорек – слабак. Не телом, и не духом слабак, а сердцем. Если такой смерть свою увидит, а потом ему жизнь подарить, он как собака тебе служить будет. Паралич тебя разобьет, а он воду тебе носить будет и хлеб разжевывать. Он слабак, понимаешь? Слабак, а не трус. Это разные вещи. Решиться у меня полсотни увести – на это трус не способен.

– А как же другие, шеф? Это плохой пример. Все начнут думать, что ты добрый.

– А кто узнает? Вы же не скажете?

– Угу, – угрюмо промычал Дейл. Ему эта история совсем не нравилась. Яйцеголовые – народ опасный и ненадежный.

– Зря мы его, конечно, одного оставили. Как бы глупостей не натворил. Не дай Бог еще в бега подастся. Тогда все наружу выйдет и придется, как ты говоришь, к ногтю.

– Хорошо бы.

– Я те дам «хорошо»!

Сидор устало поднялся и пошел в дом. Скоро должны «абрамчики» с первыми результатами позвонить.

За окном было темно и сыро, поганый моросящий дождик, больше похожий на водяную пыль, совершенно беззвучно мочил асфальт. На электронных часах светились цифры 4.20. Москва – ночной город, но в это время жизнь замирала и в этих краях. Лишь время от времени сверкающие джипы и «Мерседесы» развозили по домам припозднившихся завсегдатаев ночных заведений.

Худенький молодой человек каменным изваянием сидел в глубоком кресле и думал над тем, как убить того, с чьего стола он кормился последние годы. Пока не складывалось, но настроение уже немного поднялось – думать над тем, как совершить невозможное все же лучше, чем думать, что ничего сделать невозможно. Игорек вставил в видеомагнитофон первую попавшуюся под руку кассету, чтобы что-нибудь «бумкало». Попалось «Криминальное чтиво», фильм, который он знал почти наизусть. На экране два отморозка раскатывали по городу в окровавленной машине с трупом на заднем сидении.

Нанять бы парочку таких головорезов, и решить проблемы! Но на этом не стоило и останавливаться, чтобы не загружать мозги глупостями, решение должно быть другим. Во-первых, нет денег, чтобы нанять настоящего спеца. За пятнадцать штук подпишется только уличная шпана. Во-вторых, надо знать, к кому обращаться, в газету объявление не дашь. Сидор бы нашел, сам или через «бурундуков», а Игорек использовался только в «чистых» делах, к криминалу его пока не подпускали, и он был до сих пор этому несказанно рад. В-третьих, пройти охрану Сидора весьма проблематично. Раз он до сих пор жив, значит, Чип и Дейл свой хлеб не даром жуют. В-четвертых, кому выгодно устранение Сидора слишком очевидно. После смерти хозяина «бурундуки» дадут ему пожить еще минут тридцать. И им не нужны никакие доказательства, правосудие на улице действует не в пример быстрее и жестче, чем под сенью государственной Фемиды.

Ну, и, в конце концов, есть еще одна проблема. Запустив в работу свой изощренный ум, Игорек уже не мог не продумывать все до мелочей и не искать не только спасения, но и выгоды. После того, как Сидор покинет брентную землю, у Игорька больше не будет ни денег, ни работы, в фирме он держался только за счет шефа, остальные его не признают. В любом случае, если это будет убийством, то менты начнут так тщательно «просеивать» все структуры фирмы, что о работе можно будет забыть надолго. Зачастую после таких разработок предприятия так уже и не поднимались.

Нет, все надо будет сделать очень аккуратно. Это, однозначно, должен быть несчастный случай. Игорек раздраженно покачал головой. Какой он молодец! Цели расставлять у него хорошо получается! Как только это осуществить на практике?! За свою недолгую жизнь Игорек ничего не делал своими руками. Он был убежден, что руками работает только тот, кто не может работать головой. Определенная доля истины в этом, конечно, была, но сегодня эта идеология играла против него. Стоящую перед ним задачу он никому доверить не мог, любая утечка информации неминуемо ставила его перед «приятной беседой» с цепными псами Сидора. Но и для самостоятельного осуществления идеи не было ни знаний, ни практики. Игорек даже детективы почти не читал, отдавая предпочтение специальной литературе.

Итак, какие мы знаем разновидности несчастных случаев? Авиакатастрофа. Идеально. Как было бы замечательно, если бы какие-нибудь террористы взорвали самолет с Сидором на борту. Вот только вероятность этого слишком невелика.

Автомобильная авария – тоже неплохо. Но «бурундуки» проверяют машину шефа перед каждым выездом лично и досконально. К тому же, попытавшись подобраться к машине Сидора, обязательно засветишься. Ну и последняя причина – Игорек был абсолютным «нулем» в машинах. Водить он немного умел, по Москве передвигался без посторонней помощи, но карбюратор от радиатора вряд ли мог отличить, и даже масло менял только в фирменном автосервисе. Самая серьезная поломка, с которой он мог справиться – грязное стекло. Соответственно, и тормоза испортить он не в состоянии. Игорек попытался сосредоточиться и не «бредить», а мыслить предметно, не отвлекаясь на фантастику. Способ должен быть простым, стопроцентным, выполнимым. Любой недочет, и «бурундуки» его вычислят.

Мыслить предметно оказалось сложно, так как следующая идея, посетившая светлую голову начинающего убийцы, оказалась идеей о самоубийстве. К сожалению, ни столкнуть Сидора с лестницы, ни выкинуть его из окна, ни повесить на шарфе Игорьку было не по зубам. Даже «больной, пьяный и связанный» Сидор в свои шестьдесят скрутил бы молодого, но тщедушного юриста в бараний рог в считанные секунды. Может, отравить? Это уже интересней. Но бычье здоровье Сидора даст ему время сообщить о недомогании своим «мальчишкам», и тогда версия самоубийства рассыпается. Чтобы свалить его сразу и наверняка, нужен сильный яд, которого у Игорька не было. И ударившись в поиски зелья, обязательно, наследишь. Кроме того, самоотравление, не подкрепленное предсмертной запиской, сразу же вызовет подозрения. Дальнейшие события рисовались четко – вскрытие, милицееское расследование, и Чип и Дейл, стоящие на пороге его квартиры даже раньше, чем о нем вспомнят в милиции. Сфальсифицированная записка – и результат тот же. Экспертиза, милиция и эти чертовы «грызуны». Тьфу!

Что еще упоминается в этих глупых книжонках? Фен или электробритва в ванну? Неплохо, но таким образом разве что жена может расправиться с поднадоевшим муженьком, а Игорек может оказаться в одной комнате с моющим Сидором, только если его приведут топить. Протянуть проводки? Тогда уж лучше письменно объявить о своем участии в преступлении.

Игорек устало опустил голову на руки. Не может же такого быть, чтобы не было никакого выхода! Думай, думай!

Внезапно в голове что-то сверкнуло молнией. Сверкнуло и пропало. Игорек вздернул голову и напрягся. Куда ушла мысль? Через несколько секунд он понял, что мысль никуда не ушла, она просто еще не сформировалась. На эту вспышку подействовал какой-то внешний раздражитель. Какой?

Игорек прислушался к звукам за окном. Тишина. Посмотрел, зачем-то, на свои руки. Медленно огляделся. В темной квартире не горел свет, лишь телевизор что-то тихо бубнил. Игорек еще раз посмотрел вокруг – ничего, кроме телевизора. Наваждение какое-то!

Игорек пригляделся к происходящему на экране. Джон Траволта в открытом автомобиле вез куда-то подругу своего босса. Девушка привалилась к дверце, голова ее безжизненно свисала, из носа струилась кровь вперемешку с белой пеной.

По рукам пробежала нервная дрожь, отзывавшаяся в челюсти, от чего зубы Игорька клацнули. Вот так это и бывает – мучаешься всю ночь, а решение приходит как бы и без твоего участия. Прямо сон Менделеева!

Вспомнить, куда мчались герои фильма, было совсем несложно. Передозировка! Что еще может быть проще? Если память не изменяет, то девица вместо кокаина нюхнула траволтинового героинчику. Порошок очень похож по консистенции, и если ты не опытный наркодилер, то

навскидку не отличишь. Сидору должен понравиться сюрприз! Кайфу-то насколько больше получит!

Игорек возбужденно хохотнул, потирая руки. Шеф в Америке не «употребляет», за неделю соскучится и не преминет заложить в ноздрю сразу по приезду, вечером, или дома, или у своей промокашки. Операция, в отличие от предыдущих прожектов, вполне осуществимая. Теперь вопрос уже в технических деталях, которые можно обдумать с утречка.

Кажется, Стивен Кинг как-то пожаловался, что некоторые преступники берут способы совершения своих черных дел из его книг, и посоветовал судить таких два раза – раз за само преступление, а второй раз – за плагиат. Не зря сказал! Оказывается, вопреки общераспространенному мнению, смотреть и читать детективы иной раз бывает полезно.

Решившись на убийство и придумав способ его осуществления, Игорек испытал невообразимое облегчение. Он дошел, улыбаясь, до постели, разделся, мурлыкая какую-то песенку, лег и уже через минуту спал чистым и спокойным сном первоклассника, исправившего двойку.

Дейл в широких шортах и бешеной расцветки гавайской рубашке сидел за деревянным столиком и мрачно наблюдал, как Чип вздрючивает охранников, которых они постоянно нанимали, приезжая сюда. Может быть в Сан-Франциско или Нью-Йорке криминал и не давал людям покоя, но здесь янки, откровенно, маялись дурью. Они элементарно забыли настроить инфракрасные датчики системы охраны периметра по массе, и всю эту ночь носились по участку, гоняя зайцев, которые пришли неизвестно откуда целой делегацией и каждые десять минут активировали сигнализацию. Чип и Дейл просто не могли вообразить себе подобную безалаберность, поэтому и сообразили о причине постоянной тревоги лишь к утру.

Сейчас, в порядке наказания и воспитания, Чип проводил с ними практические занятия по рукопашке. Секьюрити, среди которых, разумеется, отыскался бывший рейнджер и два морских пехотинца, поначалу не восприняли малогабаритного Чипа всерьез, но через пять минут все как один с разбитыми носами слушали его наставления. Это была коронная шутка Чипа – он заранее предупреждал, что разобьет противнику нос и выполнял свое обещание. Для уважающих себя бойцов это было немалым унижением, но среагировать на его удар почти никому не удавалось.

Наконец, Дейлу надоело смотреть на избиение, и он подошел поближе.

– Кончай издеваться над ними, поговорить бы надо, – лениво бросил он другу по-английски.

– Еще один русский боец! – неприязненно высказался здоровяк с разбитым носом. – Вы можете драться только на улице, в спортзал вас без намордников пускать нельзя.

– Совершенно верно, мистер спортсмен. Мы на улице и работаем. А вы можете получить расчет, нам олимпийцы ни к чему.

– Это будет решать ваш босс.

– А может еще и профсоюз? Решать буду я. Если ты будешь стоять на ногах через минуту, то останешься и получишь прибавки.

Охранник с готовностью вскочил, решив реабилитировать себя после поражения темно-волосому худышке. Этот-то пузан ничего не сможет противопоставить чемпиону университета по кик-боксингу!

Он нанес несколько быстрых пристрелочных ударов, но русский неожиданно легко для своей массы от них ушел, причем, не двигаясь с места, только качая корпусом. Еще один удар, на этот раз прицельный – в голову. Русский отклонился в сторону и поверх рук противника вlepил ему в лоб.

– Кого мы набрали?! – сокрушенно вздохнул Дейл, глядя на лежащего на песке без движения «чемпиона», – Они нас и от комаров не защитят!

– Передайте ему, чтобы собирался домой, – сообщил Чип остальным. – А сами за работу. Если еще раз проколется, я вам такие рекомендации дам, что вас больше не возьмут даже в таксисты. Обещаю.

Друзья зашли за дом и сели за поленницей дров для камина. Дейл протянул банку пива «Олд Милуоки».

– Как ты пьешь эту гадость? – возмутился Чип, сделав один глоток.

– Я понимаю, что надо было с собой тверского привезти, но уж чем богаты.

– Так что же тебя гнетет, друже?

– Сам не знаю. Какое-то поганое предчувствие, – насупился Дейл. – Не могу отделаться от ощущения, что мы что-то упустили из виду. Носом опасность чую, а откуда – не могу понять.

– Это тебя зайцы напрягают. Не выпался – вот и маешься.

– Какие, к черту, зайцы!

– Ну какие могут быть проблемы с этой турфирмой? Сделка копеечная!

– Да нет, не в этом дело, здесь все как раз на сливочном масле. Что-то мы дома не доделали. Старик еще чего-то дуркует. Игорька простить решил.

– Решил и решил. Это его дело. Полезем в управление, он нам живо носы прищепит. Думаешь, Игорек может «заказ» сделать?

– Он бутылки лимонада в кабаке заказать не сможет.

– Тогда кто? Алим?

– Ему это сейчас невыгодно.

– Ну, знаешь! Я твое подсознание уважаю, но ты давай как-нибудь конкретнее.

Уважать Дейловское подсознание стоило. Оно не раз их выручало. Сначала в Афгане, где они служили на одной точке в Мазари-Шарифе. Тогда старый байбак с тяжело навьюченным ишаком приближался к их посту. Ничего необычного в этом не было, но Дейл (правда, тогда его так еще никто не звал), вдруг, занервничал, задергался, оглядываясь по сторонам, а когда до старика оставалось не больше двадцати метров, неожиданно для всех вскинул АКС, и короткой очередью свалил приближавшегося. Лейтенант, бывший с ними, обомлел и, разинув рот, уставился на стрелка. Тот и сам был в шоке – это же верный трибунал, убийство мирного дехкана!

Его тут же разоружили, но когда решили проверить груз, оказалось, что ишак под завязку был загружен тротилом, а у старика под халатом нашелся пульт дистанционного управления взрывателем. После расследования выяснилось, что старик этот ни больше, ни меньше как отец главаря местной банды Карима-Шайтана. Банда была небольшой, но разведданные показывали, что он планировал заняться крупной контрабандой опиума на территорию тогда еще советского Таджикистана. Допустить этого было нельзя, и группа спецназа ГРУ нанесла упреждающий удар и уничтожила всю банду, включая самого Карима. Отец этого не простил и, не имея возможности добраться до спецназовцев, базировавшихся в Кабуле, решил подорвать вместе с собой первых попавшихся «шурави». Дейл тогда, фактически, спас весь отряд, но сержантских лычек все же лишился.

Еще более невероятный случай произошел в Карабахе, где Дейл, помявшись в мирной жизни, воевал на стороне армян в русском батальоне разведчиком. Под Мардакертом одна установка «Град» айзеров доставляла им большие неприятности. Действовала она грамотно, то и дело меняя позиции. «Хачики» решили послать разведку. Всю ночь их группа ползала на пузе по горам под носом азербайджанских патрулей. Под утро усилия были вознаграждены – они засекли, как «Град» устанавливали, чтобы утром обстрелять позиции армян.

Получив наводку, армяне быстро выкатили батарею гаубиц в нужное место и уже готовились накрыть «турок». Дейл сидел рядом с орудиями и с помощью японского радиосканера «прощупывал» эфир, хотя это было совершенно ни к чему. Но вот это пресловутое подсознание не давало покоя и он остервенело накручивал настройку, боясь не успеть. Куда не успеть,

он и сам не знал. Артиллеристы заканчивали последние приготовления, когда в эфире зазвучали переговоры азербайджанских ракетчиков. Дейл побелел, как покойник, и махнул рукой командиру батареи и потребовал, чтобы огонь открыли не раньше, чем через десять минут. Тот ничего не понял, но поверил разведчику – русские там пользовались уважением, тем более, что их батальон «работал» не за деньги, а за идею. Деньги выдавались чисто символические.

Дейл объяснил, что «турки» сейчас подвезут боекомплект, вот тогда их и лучше накрыть. «Отмазавшись», он отошел в сторону с учащенно бьющимся сердцем. Это было невероятно, но не проверить он не мог.

Скрывшись за кустами, он поднес ко рту рацию, и сдавленно произнес, не веря сам себе:

– Генка, это ты?

Через несколько секунд из динамика раздался напряженный голос:

– Кто это?

Дейл не знал, как общаться, чтобы не сорвать операцию и не убить друга. Наконец он решился и начал говорить на фарси, рискуя, что афганские моджахеды, водившиеся среди азербайджанских войск, его «расколют».

– Помнишь Мазари-Шариф?

Невидимый собеседник долго молчал, а потом потрясенно вымолвил:

– Да.

– Тогда быстро уходи. Через десять минут мы накроем этот квадрат.

После этой радиобеседы, которую слышало множество посторонних ушей, у Дейла начались неприятности. «Град» был, как и положено, уничтожен, но после переговоров с противником по радио ему перестали доверять. Через пару недель он вернулся в Москву, где в скором времени встретился с Чипом.

У того судьба сложилась еще драматичней. Услышав предупреждение он ушел «до ветру», и, скрывшись за кустами, припустился во все лопатки. А за спиной уже слышались взрывы армянских снарядов. Весь его расчет погиб, его посчитали предателем и хотели расстрелять, но ему удалось сбежать.

После того случая они уже никогда не расставались и вскоре стали тем, кем были сейчас. И если Чип был холодным практиком, то Дейл продолжал прислушиваться к своим чувствам, которые отточились до уровня звериных инстинктов.

Вот и теперь он мучался от такого приступа, не в силах понять, что его вызвало. Он хотел ударить первым, но не знал куда.

– Ладно, не грузись, – попытался его успокоить Чип. – Дадим задание охране в Москве к приезду все разведать и усилить меры безопасности. Прорвемся.

Дейл расстроено махнул рукой. Потом, чтобы разрядиться, достал пистолет и выстрелил в стоявшую метрах в сорока сосну, отбив сухую ветку. Через секунду из-за угла дома показался бдительный охранник, у которого еще не перестала сочиться кровь из носа. В руках у него было помповое ружье. Он напряженно вглядывался в сторону сосны, от которой отлетела ветка, не замечая парней за поленницей.

Дейл раздосадовано скрипнул зубами и швырнул пивную банку в «сторожа», попав ему прямо по голове. Тот вскрикнул и упал на землю, тараща по сторонам.

– Смотреть надо не туда, куда пуля попала, а туда, откуда она прилетела! Козел! – заорал Дейл. – Как работать с такими придурками? Ладно, пойдем, телек посмотрим.

Утром Игорек, наконец, покинул свою квартиру после почти двухдневного затворничества. «Как Илья Муромец, надо было тридцать три года на печи просидеть, да думу думать», – расстраивался он, спускаясь в лифте. Времени для осуществления плана оставалось не так уж и много. Да и плана, как такового, еще не было. В такой спешке только бы ошибок не наделать.

Он сел в свой бледно-голубой «Шевроле-Кавальер» и запустил двигатель. Небольшая ладная машинка, удобный салон, мощный мотор, а главное, в Москве таких почти нет, не затеряется. Лучше бы, конечно, «Порш» заиметь, но на такую лошадку денег не хватает.

«Чеви» выкатился со двора, остановившись перед выездом на дорогу. Игорек в растерянности положил подбородок на руль. Куда ехать? «Экстези» можно взять на любой дискотеке, марихуану прямо на улице, а где купить «бомбу»? Если искать в общих местах, то придется спрашивать у всех подряд, иметь дело с незнакомыми людьми, наркоманами, которые сдадут его за полпорции наркоты.

Сзади раздался рев сигнала большого черного джипа, которому машина Игорька загораживала дорогу. Игорек вздрогнул от неожиданности и нажал на газ, вылетев на дорогу и едва не столкнувшись с грузовиком. Приступить к действию оказалось сложнее, чем работать мозгами сидя в кресле.

Через два часа бесцельной езды по городу хаос в голове начал складываться в некое подобие конкретной мысли. Мыслью этой был Леша-Перпл, достопримечательность студенческой общаги, в которой Игорек провел первые полтора года столичной жизни, пока Сидор не снял ему небольшую квартирку. Леша-Перпл, вечно пьяный, а чаще обкуренный и обдолбанный парень, неизвестно что делающий в ВУЗе, был страстным поклонником группы «Дип Перпл». Его основным занятием было хождение по этажам общежития и выпрашивание денег «на лечение». В свободное время он настойчиво рассказывал всем об истории, дискографии, музыкальных особенностях, личной жизни и других замечательных нюансах его любимой группы. Если ему хотелось подискутировать, он спрашивал, кто гитарист в «Перпл», и если экзаменуемый с первого раза не называл Ричи Блэкмора и всех его «подельников», то запросто мог получить в морду. Игорька Леша уважал, потому что он запомнил всех музыкантов с ходу, никогда не ошибался и не отказывал в разговоре. Однажды в порыве признательности Леша пригнулся к лицу Игорька и, дыша перегаром, таинственно прошептал: «Хочешь, я покажу тебе их фотографию? У меня есть с собой». Отчаявшийся отвязаться от меломана Игорек согласно кивнул головой. Тот оглянулся по сторонам, залез в нагрудный карман и достал оттуда смятую бумажку. Когда он ее развернул, с Игорьком чуть не случилась истерика. На Лешиной реликвии, представлявшей собой обычный тетрадный листок в клеточку, синей шариковой ручкой было жирно выведено «DEEP PURPLE». И все!

Справедливо предположив, что Леша не может не знать, где купить «кайф», Игорек решил начать поиски с него. Леша был коренным москвичом, и жил в ста метрах от общежития. Общага же была для него первой и последней любовью, стилем жизни.

Подъездная дверь дома старой постройки была сломана, и Игорек мысленно перекрестился. В таких домах жили обычно или старые москвичи, или коммерсанты – и те, и другие народ крайне подозрительный, и если бы на двери стоял кодовый замок или домофон Игорек вряд ли смог бы внятно объяснить к кому и зачем он пришел.

По лестнице он поднялся на третий этаж и позвонил в железную дверь. Открыла солидная дама лет пятидесяти. Игорек растерялся. Он знал, что Перпл был непутевым сыном довольно приличных родителей, но был не готов встретить настолько ухоженную женщину.

– Извините, а Леша дома? – выдавил он.

– Вы уверены, что пришли именно к моему сыну? – спросила женщина, недоверчиво оглядев хорошо одетого и холеного гостя.

– Да. Мы раньше были довольно близкими приятелями, когда учились, – уже уверенней ответил Игорек.

Женщина молча отступила, пропуская визитера, и равнодушно махнула в сторону дальней комнаты.

Игорек прошел по длинному коридору, в котором стояли стеллажи с книгами, вошел в нужную дверь и невольно встряхнул головой. Комната разительно контрастировала с чистой и

добротой обставленной квартирой. Если назвать ее свинарником, то поросята могли бы не на шутку обидеться. Больше подходило слово «гадюшник».

Шкаф был открыт, вещи валялись на полу, вперемешку с пустыми бутылками, скудная мебель сдвинута со своих мест, будто кто-то что-то искал, даже кровать стояла наискосок, в воздухе повис кислый запах прокуренного и давно не проветриваемого помещения. Посреди всего этого безобразия на смятых простынях разобранной постели возлежал Леша-Перпл в наушниках и с сигаретой в зубах. Игорек напрягся, увидев на столе пачку «Беломора», явно предназначенную для забивки косяков, но, заметив, что во рту у Леши что-то с фильтром, успокоился.

Хозяин не обращал на вошедшего никакого внимания. Игорек потоптался минуту и, осторожно прокладывая себе путь, подошел к магнитофону и нажал на «стоп». Перпл медленно открыл глаза и ословело уставился на него. После продолжительной паузы он, наконец, установил, что находится в комнате не один, и хрипло спросил:

– Ты кто?

Игорьку неприятно было здесь находиться и жутко хотелось уйти, но, сделав над собой усилие, он мягко произнес:

– Я Игорь. Мы с тобой в одной общаге жили. Года четыре назад. Помнишь?

Перпл отрицательно покачал головой.

– У меня к тебе дело, Леш. Серьезное дело, – терпеливо продолжал Игорек. – Ты не пожалеешь.

Леша снова долго молчал, словно не понимая, что ему говорят, а потом равнодушно потребовал:

– Включи магнитофон.

Игорек ощутил приступ отчаяния. Неужели успех его дела зависит от этого мутанта? Тогда ништяк его перспективы. Надо срочно реанимировать эту мумию, или все сорвется. И надо идти ва-банк.

Он подошел поближе, снял с Перпла наушники и отшагнул назад.

– Хочешь в морду? – утвердительным тоном спросил Леша.

– Я хочу с тобой поговорить.

– Я говорю только с «телефоном доверия», – отрезал собеседник.

– Все еще ширяешься?

– Тебе какое дело, козел? Если ты из ментуры, то иди к черту, я чистый, – разозлился Перпл.

– Ширяешься, – кивнул головой Игорек. – Не переживай, к органам я отношения не имею.

– Тогда иди еще дальше, – Леша отвернулся к стенке.

– Денег, поди, на ширево не хватает?

Леша снова развернулся лицом к Игорьку, в его тусклых глазах сверкнул интерес. Он молчал, ожидая, что скажет его неожиданный гость. Денег, действительно, не было, и он уже третий день валялся без «кайфа». Ломало нещадно, но он никуда не выходил, зная, что в кредит ему больше не дадут. Грабить ларьки и «мочить» прохожих, как некоторые его знакомые, он не хотел. Да и к ломкам он привык – вся его жизнь была наполнена сплошной ломкой.

Наркоманом он был старым, но нестандартным. В отличие от остальных, он густо перемешивал всевозможные типы наркотиков с пьянкой, не «подсаживаясь» конкретно ни на что определенное. Может быть, он терял максимальную чистоту и остроту ощущений, но зато они были разными. Он верил, что вот таким разноречивым он и обеспечил себе более долгую жизнь, чем остальные «наркоши», после «подсадки» на героин не протягивавшие больше двух-трех лет.

Тем не менее, все, что он делал, он делал только для того, чтобы достать очередную дозу. Неважно чего – элениум, пачка димедрола, дорожка «кокса», «марка» ЛСД или таблетка «экстези» – все годилось. На крайняк, можно было перебиться бутылкой водки или кружкой чифирия.

– Выпить есть что-нибудь? – нарушил затянувшуюся паузу Игорьек.

Леша сел на кровати, покатав ногой пустые пивные бутылки, потом, вспомнив, нырнул под кровать и извлек оттуда трехлитровую банку с брагой. Делиться с кем-либо своими запасами он не любил, но от этого «пиджака» просто пахло деньгами. Он поднял лежавший на боку стакан, критически его осмотрел, соскреб ногтем присохшие чаинки, и плеснул в него мутной вонючей жидкости. Стакан он подал Игорьку, а сам сделал хороший глоток прямо из банки.

Игорек огляделся, скинул тряпье со стула на пол, к чему хозяин отнесся совершенно равнодушно, и сел, с отвращением глядя на пойло. Он сжал ноздри, зажмурил глаза и выпил, сделав после этого несколько судорожных движений кадыком, чтобы не вытошнило. Леша с ухмылкой наблюдал за мучениями гостя.

– Ну, так что за дело? – спросил он, наконец, когда организм Игорька совладал с отравой.

– Мне нужен порошок.

– Зубной?

– Нет, наркотик, – выдохнул Игорек, отрыгнув в сторону.

– Я бы тоже не отказался, – усмехнулся Перпл.

Вместо ответа Игорек достал бумажник, извлек из него стодолларовую купюру и показал ее Перплу.

– Нравится? Если согласишься помочь – она твоя.

– Думаешь, я баксов не видел? – презрительно протянул Леша, но Игорек уже заметил, как алчно сверкнули его глаза.

– Это только за то, что ты согласишься. А если сделаешь, получишь еще пять таких.

– Чего тебе нужно?

– Мне нужен героин высокой очистки, «бомба». Не та параша, которую можно нюхать, а настоящий наркотик.

– Сколько тебе нужно? – унимая возбуждение, спросил Перпл, почуявший запах денег.

Игорек понятия не имел о наркотических объемах и их ценах, но в этом деле скупиться было нельзя. Прикинув палец к носу, он решил:

– Граммов десять.

Перпл уронил банку, поймав ее ногой, но, все равно, разлив часть содержимого.

– Ты откуда такой взялся? Грамм – это уже опт. А тебе еще и высокой очистки! Ты знаешь, сколько это будет стоить? И кто это выложит первому встречному?

– Вот ты и будешь моим поручителем. Я же тебе плачу.

– Ты где работаешь?

– А вот об этом промолчим. Очень даже хорошо, что ты меня не помнишь.

Леша потер щеки ладонями, рассуждая вслух:

– Если брать по крупному – грамм обойдется в стоху. Обычный, дворовый героин, для продажи на улице. Концентрат раза в четыре дороже. За первую партию с тебя возьмут штук пять, не меньше. И то только потому, что партия крупная.

Игорек внутренне поежился. Денег было жалко, но если экономить, то можно все потерять. Наверное, надо было поторговаться, но Игорек этого не умел, это прерогатива коммерсантов, а не юристов. Он согласно кивнул головой.

– Все это дело мне нужно завтра утром.

– Да ты что, сумасшедший? Это же не «чек», это партия! Такие вещи за час не делаются!

– Тогда не будет денег. Послезавтра мне это уже не понадобится.

– Ладно, – махнул рукой Перпл. – Попробую. Давай «бабки».

Игорек улыбнулся и протянул сотню.

– Слушай, если тебе нужна наркота, то кончай издеваться! – возмутился Перпл. – Мне сейчас под все гарантии и дозы в долг не дадут, а ты хочешь, чтобы я десять грамм принес.

– А ты не приноси, ты только сведи. Пятисот баксов за это не хватит разве?

– Никто с десятью граммами к тебе не придет. А может ты мент?

– Леша, тебе очень нужны пятьсот долларов. Так что ты покрутись, придумай что-нибудь. Завтра в девять утра я позвоню, трубку должен поднять ты сам, мне что-то не хочется светиться перед твоими предками. Завтра ты мне скажешь, где и во сколько мы встретимся с продавцом. Это должно быть попозже вечером в безлюдном месте, подходы к которому хорошо просматриваются. Туда приедем ты, я и продавец. Никакой охраны и тому подобных вещей. Никаких свидетелей. Партия разовая, больше не будет. Кстати, если бы я был ментом, я бы об этом не попросил, было бы выгодней собрать побольше народу и всех оптом взять. Логично?

Леша вынужден был согласиться.

– Продавца я не знаю, и знать не хочу, а вот тебя знаю. Ты будешь моей лабораторией – проверишь качество товара. Если потом окажется, что продавец всучил фуфло – отвечать тебе. Не деньгами – жизнью. Усек? Там, сразу после передачи товара, отдам тебе пять сотен. Все ясно? Повтори.

Леша, сбитый с толку напором и жесткостью тона собеседника, который поначалу казался размазней, усердно пробубнил:

– Завтра в девять я на телефоне, забить стрелку на вечер, место безлюдное, но подходы просматриваемые, никаких свидетелей, партия первая и последняя. Я – лаборатория, отвечаю за качество, деньги получу там, ты не мент. Правильно?

– Молодец! – похвалил Игорек. – Я пошел, а ты не теряй времени. И помни – ты взял задаток, значит, принял обязательства. Если не справишься, будешь отвечать. Не передумал?

– Нет! – заверил Леша. – Я все сделаю!

Игорек спустился и сел в машину, стоявшую чуть поодаль от подъезда. Он поглядел в зеркало заднего вида и соорудил сам себе удивленную рожу. Как это у него получилось? Откуда у него поперла эта мощь и уверенность? Значит, есть и в нем стальная пружина, каркас! Напрасно его недооценивают!

В нем четко проявились черты Чипа, его манера разговора, моральный прессинг и рубленые фразы. Заставить человека повторить полученное задание, однозначно значит поставить себя намного выше, тот автоматически становится подчиненным. Сам Игорек не осознавал этого «плагиата», его подсознание в критический момент само вытащило из тайников мозга воспоминание о том, как он разок присутствовал при том, как Чип «разводил на бабки» какого-то должника. Вытащило и применило, не поставив в известность самого Игоря.

Он не спешил отъезжать, решив посмотреть, что предпримет Леша. Ждать долго не пришлось. Минут через пять Перпл вывалился из подъезда, на ходу застегивая куртку, и тяжелой разболтанной рысью побежал по направлению к автобусной остановке.

Игорек удовлетворенно хмыкнул. Если его «снабженец» полетел не за «дозой», что маловероятно, то, значит, дело закрутилось, и можно было приступать к следующему пункту плана.

Он завел мотор, сплюнул в окошко, развернул мятную конфету, засунул ее в рот, чтобы отбить гадостный вкус, оставшийся после Лешиной браги, бросил фантик прямо на дорожку, и тронулся с места, не обращая внимания на пристальный и неприязненный взгляд, которым его проводили сидевшие у подъезда бабушки.

– Разъездились, коммерсанты! – проворчала одна.

– Энто не коммерсант, бандит, наверное.

– Да ну! Такой дохленький?

– Дохленький, значит, главный. Им мышцы не нужны. А здоровые – это охрана.

– А почему же этот то бандит?

– А какое дело у коммерсантов к Лешке-наркошке? Этот к нему ходил, я как раз с лестницы спускалась, слышала, как он заходил. Бандит, точно.

Возбуждение, охватившее Игорьку, было для него чем-то новеньким. Не то чтобы раньше он всегда был спокоен, но все, что он переживал прежде, радикально отличалось от сегодняшних ощущений. То, что происходило сегодня, имело терпкий и острый вкус настоящей жизни, не какие-то там финансовые головоломки, а реальные действия, каждое из которых падало позади с громким стуком вонзающегося в плаху топора. Каждый шаг отрезал дорогу назад, каждое слово определяло судьбу.

Это волновало душу и наполняло адреналином вяло текущую кровь, казалось, что густая красная жидкость в венах вскипает и начинает пениться. Все это пугало, но уже начинало нравиться. Следующий шаг должен был не просто приблизить его еще немного к цели, но и сулил удовольствие.

Игорек взял с соседнего сидения мобильник, и набрал номер. Анечка ответила только после десятого гудка, когда Игорек уже перестал надеяться. Голос ее звучал хрипловато и болезненно.

– Здравствуй, радость моя, это Игорь.

– А! Игорек! Очень хорошо, что ты позвонил, – оживилась девушка.

– Что-то твой голос мне не нравится. Скучаешь?

– Приболела немного, – пожаловалась Анечка. «Как же, приболела! Дряни, поди, нанюхалась», – усмехнулся Игорек.

– Может быть, хочешь развеяться? – забросил он удочку. – Могу заехать. Шеф в Штатах, я совершенно свободен. В кабачок ходим, поужинаем.

– Игорек, – жалобно простонала Анечка. – Мне так плохо! Не хочу никуда идти. Приезжай ко мне, посиди, поговори. Может мне лучше станет? Меня в таком состоянии в свет лучше не выводить, людей распугаю.

– Отлично, – легко согласился Игорек. – Я ближе к вечеру заскочу, хорошо? Что-нибудь купить?

– Смеешься? Сидор меня на неделю оставил, забил холодильник под потолок. Только приезжай поскорее, а то я скоро выть начну!

Игорек отключил телефон и потер руки. Получилось еще лучше, чем хотелось. Не придется мотаться по городу с этой «мормышкой». Сразу к ней, куда ему и нужно было. Теперь в гаражи, забрать одну очень нужную в хозяйстве вещь. Но сначала пообедать.

Покушал Игорек очень вкусно и сытно, оставив в итальянском ресторане без малого две сотни долларов. Ему самому было интересно наблюдать за собой. Он и раньше мог потратить крупную сумму ни на что, но он всегда при этом ощущал, что становится беднее на количество потраченного, а сейчас ему было решительно на это наплевать. Жизнь по принципу «пан или пропал» не располагала к скупердяйничеству. Если он выиграет, то эти мелочи не будут иметь для него особого значения, а если проиграет, то тем более глупо уходить на тот свет с карманами, полными денег. Мысль о проигрыше неприятно кольнула, но он быстро отогнал ее прочь – никакого проигрыша не будет! На этой бирже на понижение не играют!

Игорек добрался до гаражного кооператива, который находился недалеко от его дома, и открыл пустующий бокс. Сидор купил ему этот бокс вместе с квартирой, но прежний хозяин держал здесь задрипанный «Москвичок», и гараж чистотой не блистал. Игорек не ставил сюда «Чеву», чтобы не пачкать в масле колеса. Да и ходить по утрам сюда было лень. Он оставлял машину у дома. От придурков и малолеток «Клифффорд» убережет, а у угонщиков-профессионалов, которые «ломают» любую сверхзащиту за шесть секунд, есть специальный список запретных для угона номеров. Машины Сидора и его работников стояли в этом списке

не на самых последних строчках. Дейл говорит, что вообще дверь машины не запирает. Врет, конечно, но не на пустом месте.

Войдя в гараж, Игорек зажег лампочку и прикрыл за собой дверь. Пошарив рукой под верстаком, он извлек промасленную тряпочку и, развернув ее, достал «нужную в хозяйстве вещьцу». Именно так назвал небольшой никелированный «Браунинг» продавший его Игорьку парень.

Полгода назад к Сидору прорвался какой-то немытый молодой человек, сказал, что он «диггер», исследователь московских подземелий, и начал вымогать деньги. Сидор отвел его к Игорьку и попросил выслушать непредвзято. Если дело может быть стоящим – не отказывать. Игорек долго слушал бред о подземных сокровищах, за которыми надо только нагнуться. Диггер просил, честно говоря, немного – тысяч пять-шесть. Причем не наличными, чтобы никто не подумал, что он может их растратить – он предлагал список оборудования, без которого его изыскания невозможны. Ему нужны были не деньги, а «железки».

Игорек остался глух к его доводам. Расстроенный диггер предложил купить у него, хотя бы вот эту фигню – и достал пистолет. Игорьку пистолет был не нужен, но цена в сто долларов его соблазнила. Парень нашел его где-то под землей, отреставрировал, и клялся, что он «рабочий». В общем, Игорек купил пушку, а потом долго жалел, не зная, зачем он потратил сотню.

Но теперь он хорошо понимал смысл поговорки «Тяжело в деревне без нагана». Сегодня эта штука была, действительно, нужной в хозяйстве. Патронов с ним было всего десять, два из них Игорек расстрелял в подмосковном лесу, проверяя работу покупки. Работало нормально, с пяти шагов Игорек в дерево попал.

Обтерев пистолет и руки чистой тряпкой, Игорек сунул его в карман и сел в машину. Через часок-другой можно было ехать к «Сидоровой козе».

Около восьми вечера Игорек подъехал к дому Анечки и, оставив машину у подъезда, поднялся в квартиру. Девушка встретила его в простом, но изящном домашнем халатике, который не доставал ей даже до колен. Она подготовилась к его приходу и постаралась привести себя в порядок, причесалась и сделала макияж, но припухшие веки и бледность лица выдавали недомогание.

– Да что ж с тобой случилось, милая? – с деланным состраданием пожалел ее Игорек, снимая куртку. – Приболела?

– Не обращай внимания, – махнула рукой «больная». – Сейчас все будет в порядке. Сiju дома одна, как мышь в норе, вот и чахну. Ты мой спасательный круг, так что не рассчитывай быстренько посидеть и смотаться, я тебя не отпущу.

Анечка прикусила язык, вспомнив его последнее скоростное бегство, но Игорек сделал вид, что не заметил. Он прошел в комнату и расслабленно повалился в кресло.

– Здорово то как! Целый день как белка в колесе. Домой придешь – пусто, скучно. Все вечера один. Мотаться по презентациям и тусовкам – никакого здоровья не хватит. Да и не интересно мне там. Кто туда ходит? Одним лишь бы пожрать на халяву, другие ходят себя показать, какие они крутые и знаменитые, вышагивают, как павлины. А на деле главная цель, чтобы про них не забыли. Третьи за свои большие бабки хотят приобщиться к миру «великих», мол, я с таким то пил, так себе парень. Журналисты, что там крутятся в этих кругах, так те хуже пираний. Все, что видят, называют скандалом. Женился Филя на Борисовне – скандал, развелся Пресный с Кристиной – скандал, родился ребенок у «академиков» – опять скандал. Да какой может быть скандал в свадьбе, разводе или родах? Это же либо нормальные человеческие чувства, либо просто бизнес.

А эти все вывозят в слюнях, разжуют, перелепят. Читаешь, как идиот, и на самом деле кажется, что это что-то ненормальное. Откуда у Саши с Лолой дети? Нет, что-то здесь не так! Есть какая-то подоплека, не зря журналисты про это пишут!

Через час уже понимаешь, что все нормально, это норма, это жизнь. Но фамилия шакала с блокнотом уже зацепилась в памяти. Вот и он уже знаменит! А всего лишь и надо поднять ногу на дерево – и все твой след заметят.

Нет, не мое это. Меня от них тошнит. И дома тоскливо. Друзей нет. Новых заводить, так девять шансов из десяти, что для них вся моя прелесть в моем кошельке. Из крутых приятелей тоже не наберешь, снобы одни, или заикленные на бабках.

С девчонками тоже тоска одна. Нормальные девушки в моем лесу не водятся, а где есть простые и умные – там я не хожу. Приведешь домой очередной спермосборник, ночью на такси посадишь, а утром не можешь вспомнить, как ее звали, и как она выглядела. Через пару дней запросто можешь с ней по новой познакомиться.

Холодно у меня как-то. Негде погреться, расслабиться. Поговорить по-человечески не с кем. Вот у тебя мне подозрительно хорошо, уютно.

Я в прошлый раз потому и сбежал так неожиданно, что мне слишком хорошо стало. Побоялся прикипеть, а то, не дай Бог, еще и влюбиться. Что мне тогда делать?

Игорек прервал свой почти шекспировский монолог и поднял взгляд на Анечку. Она сидела напротив, подперев подбородок кулачком, и смотрела на него широко раскрытыми глазами.

– Да, Игорек, ты – это что-то, – задумчиво сказала она, нарушив молчание. – Я никогда не думала, что ты... что ты такой!

– Это плохо?

– Наоборот. Но это так неожиданно! Я даже не знаю, что делать. Но я тебя так понимаю! Мы с тобой родственные души. Ты такой хороший, оказывается.

– Не перехвали, а то застесняюсь.

– Нет, правда!

– Может нам вместе жить надо, а?

Анечка усмехнулась недоверчиво и, поднявшись с места, спросила:

– Ты виски пьешь?

– Вообще-то я за рулем, – с сомнением сказал Игорек. – До утра, надеюсь, выветрится?

Он испытующе посмотрел хозяйке в глаза. В ее взгляде мелькнул лукавый огонек, она помедлила немного и, мягко улыбнувшись, согласилась:

– Выветрится.

– Тогда «Джонни Уокера», если есть.

Анечка подошла к бару, а Игорек встал и направился к двери в ванную:

– Я умоюсь, если ты не возражаешь. Весь день в машине, пропылился.

Хозяйка не возражала.

В ванной Игорек пустил воду и посмотрелся в зеркало. Нет, он, явно, работает не по призванию. Ему нужно было идти в артисты. Развести Лешу – это можно было посчитать случайностью, вызванной экстремальностью ситуации. Но сейчас на это не сошлешься. Ему нужно было остаться с Анечкой, и он это сделал, причем, не напрягая ее. Все было сделано экспромтом, словно он всю жизнь этим занимался. Он так вошел в роль, что на самом деле начал ей жить, и ему трудно было признаться, что это игра. Ему сейчас и вправду нравилась Анечка, он хотел ее, и жалел.

Но нельзя было роли позволить взять верх. «Я здесь только для того, чтобы исполнить задуманное. Никаких сантиментов!» Он бросил в лицо несколько пригоршней воды, вытерся полотенцем и вернулся в комнату.

Анечка встала ему на встречу и протянула бокал с виски. Игорек отпил глоток, поставил бокал на столик. Девушка стояла очень близко, он ощутил ее аромат, возбуждающий желание. Он скользнул взглядом по ее тонкой стройной фигуре, задержавшись на груди, которую полупрозрачная ткань халатика не скрывала, а, скорее, подчеркивала. Высокая, хорошо развитая

грудь, покачивающаяся при каждом движении, на ее хрупком теле с узкой спиной и плоским животом без малейшего признака жирка, выглядела необычно и чрезвычайно сексуально.

Она перехватила его взгляд, но не смутилась, ощутив лишь приятное волнение. Зная свои сильные стороны, она и не сомневалась в подобной реакции, наоборот, было бы странно, если бы мужчина не потерял голову от ее женских чар. Анечка расправила плечи так, что разошедшийся запах халатика еще больше открыл ее прелести, и глубоко, до легкой дрожи, вздохнув, позвала:

– Ну, что же ты? Иди ко мне...

Гость не очень уверенно шагнул и одной рукой обнял ее за талию. Сквозь тонкий шелк она почувствовала на своей горячей от желания коже его холодные пальцы и, вздрогнув от неожиданности, едва не охнула, но сдержалась и чуть слышно застонала. Она прижалась к его груди и, обхватив за шею, впиалась страстным поцелуем в его губы. Одновременно, сжав его колено между своих бедер, она принялась тереться лоном о его ногу, издавая нечленораздельное то ли рычание, то ли урчание.

Игорек, слегка ошарашенный в первое мгновение от такого напора эмоций, полностью отдался страсти и впиался пальцами в ее спину. Анечка вскрикнула, оторвавшись от его губ, но в следующее мгновение хрипло рассмеялась:

– Да, черт возьми! Да! Делай так! Делай, что хочешь!

Вне себя от возбуждения, Игорек оттолкнул ее и рванул за отвороты халата, грубо обнажая запретное до сих пор тело. Следующим движением он сорвал с нее микроскопические черные трусики, схватил за остатки одежды и снова притянул к себе. Нагнувшись, он покрыл поцелуями ее грудь, зарываясь в нее лицом, не удержался, и укусил за торчащий столбиком сосок.

Анечка взвизгнула, но без недовольства, и легко шлепнула его по спине:

– Откусишь, дурачок. Пойдем в постель.

Он хотел подхватить ее на руки, но побоялся, не будучи уверен в своих силах. Не разрывая объятий, они не очень ловко добрались до кровати. Игорек с удовольствием принял горизонтальное положение – ноги уже почти не держали.

Анечка изогнулась всем телом, распластавшись на спине и широко раскинув длинные стройные ноги.

– Ну, давай же! – простонала она, в изнеможении царапая свою грудь. Ногти оставили на гладкой шелковистой коже яркие красные полосы.

Плотина рухнула, и Игорек ворвался в нее, как ураган, вбивая в ее лоно все страхи последних дней, всю ненависть к ее хозяину, у которого он украл сначала деньги, теперь женщину, а скоро заберет и жизнь.

Эмоции, распиравшие «мстителя», были настолько сильны, а Анечка так хороша в постели, что конец наступил до обидного быстро. В какой-то момент, вскипавший пузырь чувств с грохотом взорвался, Игорек рывкнул, втискиваясь в девушку, натянулся и задрожал, как струна. В следующую секунду руки его подломились, и он обессилено рухнул на свою партнершу, едва не раздавив ее.

Но Анечка не желала сдаваться так легко, не получив всего, что ей требовалось. Она выбралась из-под Игорька, перевернула его на спину, быстро и ловко стащила с него одежду, которую он в пылу не успел скинуть, и осыпала горячими влажными поцелуями все его тело, не пропустив ни одного уголка. Но «шарик уже лопнул», и не собиравшись снова «надуваться».

Тяжело дыша, она теребила и поглаживала его «инструмент» и, хищно улыбаясь, приговаривала:

– Вставай, вставай, «однопалчане». У нас и не такие поднимались!

Игорек поймал ее за руку, и устало попросил:

– Не гони коня, лапуля, не все сразу. Дай мне чуток передохнуть. Все тебе будет, только мне немного времени на «подзарядку» требуется.

– Чем же тебя «подзарядить»? – Анечка капризно надула губы и смешно сморщила носик, но покрасневшее лицо и горящие, как угли глаза выдавали ее состояние, она только-только вошла во вкус. «Сейчас», – решил Игорек.

– Один небольшой заряд «кокса» мог бы спасти гиганта мысли, но боюсь, что Сидор у тебя его не держит, а у меня с собой нет. Придется минут десять-пятнадцать порассказывать анекдоты. Потерпишь?

В глазах девушки мелькнуло замешательство, но расчет был точен, сейчас ей было плевать на условности, похоть брала свое. Она рассерженно фыркнула, склонилась над ним на коленях, прижалась к нему, оттопырив гладкую аккуратную попку, и скользнула вдоль всего тела, проведя своей бесподобной грудью от его бедер до лица.

Игорек вздохнул, закатил глаза, и попытался вспомнить, с каким счетом «Спартак» сыграл с «Реалом», потому что почувствовал, что через мгновение будет готов продолжить «скачки» без всякого допинга. Анечка прыжком соскочила с постели, сдернула с себя то, что оставалось от халатика, оставшись совсем нагой, и быстро пробежала к заветному ящичку трельяжа.

Глядя на нее, Игорек отметил абсолютную безупречность ее фигуры. Разве что бедра, может быть, чуть узковаты, и живот совсем как у девочки-подростка, но это ее ничуть не портило. Зато совершенству груди позавидует и Бессинджер. И все это великолепие принадлежит какому-то старику!

Анечка быстро вернулась и присела на краешек постели. В руках у нее был пакетик с кокаином, зеркальце, тонкая стальная пластинка и трубочка. Она высыпала на зеркальце немного порошка, уверенными движениями разделила его на дорожки и протянула Игорю. Тот улыбнулся:

– Только после вас! – не мог же он показать, что никогда не пробовал «нюхать». Он, вообще, не собирался его пробовать, но сейчас в нем заиграл интерес.

По лицу Анечки снова скользнула тень сомнения, но она упрямо тряхнула головой, отгоняя неуверенность. Плевать на все! Она давно не испытывала такого сексуального возбуждения, как сегодня. Это стоит продолжить! Она решительно нагнулась и втянула «дорожку».

Черт возьми! Игорек никогда не видел ничего эротичней! Она запрокинула голову, ноздри трепетали, грудь учащенно вздымалась, а в глазах появился необычный блеск, сводящий его с ума.

Он забрал у девушки аксессуары и «прицелился», стараясь, чтобы все выглядело натурально. Ну, вперед! Резкий вдох, и «перхоть дьявола» струей влетела в его череп. Через секунду он понял, почему кокаин наркоши называют «аптекой» – внутри него инеем рассыпался холод, сначала нос и горло, потом он распространился на всю грудь, глаза, коснулся мозга. В первые секунды необычные ощущения напугали его, но потом стало хорошо. Этот холод, как белый снег, очищал сознание, обостряя восприятие мира, все казалось ярче, звуки гуще и насыщенней. Взглянув на Анечку, он увидел ее испытывающую, и, в то же время, призывную улыбку. Желание захлестнуло его разом и с головой. Он ринулся на нее, как бык на матадора. Он и был сейчас быком, тигром! Он мог все!

Это продолжалось невероятно долго, но никто из них не хотел прерываться. Он то грубо насиловал ее, то ласкал, как розу, боясь уколоться шипами. Она хохотала и плакала. Все было неправдоподобно остро. Вот только прийти к логическому завершению он никак не мог. Через какое-то время он почувствовал, что устает и становится вялым, и они на минуту остановились, чтобы принять еще по дорожке. Энергия появилась, но через пятнадцать минут он выдохся окончательно.

Анечка, не собиравшаяся мириться с тем, что все ее способности не смогли довести мужчину до оргазма, продолжала обихаживать лежащего без движения Игорька всеми известными ей способами. В конце концов, ее мягкие теплые губы вызвали необходимый результат, но настоящего кайфа Игорек не ощутил, скорее просто облегчение в гудящей застоявшейся плоти. Заснули они совершенно обессиленные.

Утром Игорек проснулся и первым делом со страхом прислушался к своим ощущениям. Наркотик ассоциировался у него со словом «ломка», и он с содроганием ждал ее проявлений. Ничего такого не наблюдалось, лишь общая слабость и легкая ломота в суставах и мышцах, вызванные, скорее, бурной ночью. Анечка спала с по-детски приоткрытым ртом, разметаившись по всей постели, лишь бедра были чуть прикрыты простыней. Он не удержался и потянул простынь, обнажая спящую. Анечка что-то промычала во сне, и перевернулась на спину, широко раскинув руки и согнутую в колене ногу, открыв жадному взгляду тонкую подбритую полоску черных кучерявых волос.

Игорек почувствовал непреодолимое желание навалиться и взять ее сейчас, сию минуту, теплую, мягкую и податливую, неподвижную и совершенно беспомощную. Но случайный взгляд на часы отрезвил его – без десяти девять, времени на удовольствия не было. Он встал, быстро оделся, привел себя в порядок в ванной, вернулся в комнату и достал пистолет. Старый семизарядный «Браунинг» тускло блестел в ладони. Игорек деловито проверил наличие патронов – два в магазине, остальные шесть рассыпью в кармане. Надо будет дозарядить.

Он посмотрел на спящую Анечку и прицелился ей в грудь. Две пули сюда, один контрольный выстрел в голову, кажется, так киллеры делают. Рука слегка подрагивала. Бах! Бах! Игорек поднес пистолет ко рту и по-ковбойски дунул в ствол. Все очень просто.

Анечка заворочалась, зачмокала, и перевернулась на бок. «Стрелок» усмехнулся, сунул пистолет в карман, подошел поближе. На глаза ему попался вчерашний пакетик с кокаином. Никакого желания «подзарядиться» не возникло, значит эффект привыкания на него не действует, это хорошо. Он взял из пакета щепотку порошка, соорудил дорожку, положил рядом трубочку, и оставил все это на видном месте, так, чтобы бросалось в глаза, когда девушка проснется. У нее-то привязанность уже, кажется, появилась. Рядом положил записку: «Загляну в ближайшие дни. Целую». Потом нежно провел рукой по ее волосам и вышел из квартиры, аккуратно закрыв дверь.

Во дворе он сел в «Шевроле» и, не прогревая мотор, отъехал от дома. Остановившись, он достал из кармана мобильный телефон и набрал номер Перпла. Тот ответил сразу, после первого же гудка, видимо, на самом деле, сидел у телефона, который стоял у них, как помнится, в коридоре. Мамаша, наверняка, этот факт из внимания не упустит. Нехорошо, но и не смертельно.

– Как жизнь, Леша? Имеешь что-нибудь мне сообщить? – поняв, что Перпл его по голосу не узнает, добавил. – Это я тебе вчера сотню подарил.

– А, это ты! Как ты, говоришь, тебя зовут?

– Это совершенно не важно. Давай о деле.

– Так. О деле. Ага. – Перпл был откровенно возбужден, это хороший признак, видимо, деньги почуял. – Я вчера с Байрамом поговорил, еле убедил. Он сначала меня просто послал. Потом заинтересовался. У него как раз проблемы с деньгами, какие-то срочные выплаты. Короче, согласился. Цена, как я и говорил, пятьсот за грамм. Готовь пять штук. Приедет сам. Обещал, что один. Да ему и не нужен никто, здоровый чурка! И учти, «ствол» у него не газовый.

– Мне все равно, мне героин нужен, а не его ствол. Имя его я теперь знаю, если что со мной случится – его из-под земли достанут, а потом снова туда зароят.

– Ты что?! Не вздумай с Байрамом цапаться, он серьезный чувак! – не на шутку испугался наркоман.

– Он мне опасен? Говори точно, ты перед моими тоже засвечен, тебя первого разорвут.

– Я же говорю, Байрам – мужик серьезный, у него бизнес прочно стоит, кидаловом не занимается.

– Ладно, не мандражируй. Где и когда?

– Сегодня в двенадцать ночи. Метро «Аэропорт» знаешь? На Ленинградском.

– Знаю.

– Там во дворах есть собачья площадка, рядом то ли школа, то ли садик, углом стоит. Вроде центр, дома рядом, а не видать ничего, он там часто стрелки забивает. – Перпл назвал номер дома, от которого нужно свернуть во дворы.

– Все понял. Ты жди меня там в половине одиннадцатого, у входа в метро. Подъедем вместе.

– На какой стороне улицы?

– Идиот, там один вход, – поморщился Игорек неуклюжей попытке проверить его подготовку.

– Хоккей. Слушай, я такую работу провел, может добавишь сотнягу?

– Если все пройдет без проблем, я тебе рублей триста подкину, на водку, чтобы ты больше эту гадость из банки не сосал, а с баксами перебьешься. И еще – свистнешь кому-нибудь – хоронить от тебя нечего будет. Я предупредил. Чао! Не опаздывай.

После разговора Игорек съездил посмотреть место встречи. На самом деле, удачное местечко. Площадка представляла собой увеличенный в размерах хоккейный корт, огороженный проволоочной решеткой. Вход был только один, закрывающийся на крючок изнутри. Если накроют менты, убежать не удастся, но на такое, видимо, не рассчитывалось. Дома были загорожены высокими старыми деревьями, но в радиусе метров двадцати от площадки – ни одного кустика. Вплотную к площадке не подъехать, придется оставить машину в переулке. Но и продавцу придется сделать то же самое. Ладно, сойдет.

Закончив рекогносцировку, Игорек поехал домой. Там он взял из сейфа пять тысяч долларов. Деньги были в новеньких сотенных купюрах, мелочь Игорьку была без надобности. Но теперь их придется разменять. Во-первых, четыре-пять толстых пачек выглядят солиднее, чем одна тоненькая. Во-вторых, никто мелкие купюры не подделывает, значит, продавец не будет озабочен проверкой их подлинности. Ну и, в-третьих, неплохо, если руки у него будут заняты, не возникнет спонтанного желания размахивать пистолетом.

С разменом возникли небольшие проблемы – ни в одной обменке не было сразу столько «мелочи», «бедные» россияне пользуются, в основном, «стольниками», пришлось объехать восемь пунктов. Наконец, ворох «десяток» и «двадцаток» был собран. Игорек аккуратно рассортировал, пересчитал купюры, разложил в пачки и перетянул их резинками.

Пообедав в ресторане, он вернулся домой, и завалился спать. Просто сидеть бездумно и ждать, не было сил, он боялся передергаться и, что называется, сгореть. Заснул он сразу, как в яму провалился, а когда проснулся, часы уже показывали девять вечера. Пора было собираться на дело.

От исхода операции зависело все. Если остальные пункты плана допускали те или иные варианты развития ситуации, то тут вариантов быть не могло. Если он не получит именно то, что ему нужно, вся остальная деятельность теряла всякий смысл. И времени искать другой выход уже не оставалось. Через три часа все решится.

Он надел свободную темную куртку с большими карманами и сел на пуфик в коридоре. Особого страха не было, словно он только и делал, что ходил на встречу с наркоторговцами-оптовиками. Порядки в их среде царят, судя по газетам, волчьи, но у Игорька почему-то была абсолютная уверенность в успехе. Только чуть затрудненное дыхание и холодок под сердцем мешали чувствовать себя полностью комфортно.

Игорек выщелкнул обойму «Браунинга», загнал в нее шесть патронов, предварительно стерев с них появившийся зеленоватый налет, седьмой не полез, заупрявился. Игорек не стал

настаивать, побоялся сломать пружину, все-таки пистолет, судя по клейму, был сделан еще во времена Гражданской войны. Да и не в уличных боях ему участвовать, если дойдет до перестрелки, жить ему секунд пять. Щелкнул затвором, загнав патрон в ствол, проверил, легко ли ходит предохранитель, положил пистолет в карман, сверху пристроил две пачки долларов, еще три в другой карман. Все. Приступим, помолясь...

...Перпл маячил у метро, сутулясь и втянув голову в плечи от холодного ветра.

– Ну что, родной, прыгай, поехали, – позвал его Игорек, опустив окно. Тот быстренько пристроился рядом.

– Симпатевая тачка, приметная, – отметил Перпл, развалившись в кресле и смачно потягиваясь.

Игорек поморщился, но ничего не ответил, заруливая в нужный переулок.

– Ты здесь уже бывал, что ли? – беспечно поинтересовался Леша. Он весь уже был в предвкушении «богатства». Вчерашний «стольник» он уже разменял, но почти ничего не потратил. С учетом сегодняшних поступлений и учитывая его скромные запросы, должно хватить надолго.

– Сегодня заезжал посмотреть.

– А на фига тебе героин? По виду ты, вроде, не колешься. Для хозяина?

– Излишние знания сильно укорачивают жизнь, – мрачно просветил любопытного Игорек.

У Перпла после этих слов, а особенно от тона, которым они были сказаны, напрочь отшибло желание задавать вопросы. Но минут через пять он все же не выдержал:

– До стрелки еще больше часа. Что мы здесь делаем?

– Ты мужика знаешь, а я нет. Хочу подстраховаться, провериться.

Ответ Лешу удовлетворил. Он еще некоторое время повозился, а потом закемарил.

За двадцать минут до назначенного срока по пустынному переулку медленно и важно проплыл большой белый «Форд Кроун», и скрылся на противоположном конце, свернув налево. Через пять минут он снова проехал. «Похоже, это продавец», – решил Игорек. Проснувшийся Перпл подтвердил его догадку:

– Это Байрама «тачила». Я тебе говорил, он серьезный мужик, «шестерки» на таких машинах не ездят. Тоже, видать, проверяется.

В темном переулке за тонированными стеклами «Форда» ничего не было видно. Один ли приехал азербайджанец – не понятно.

«Форд» снова скрылся на улице впереди Игорька, но через несколько секунд, видимо, развернувшись, въехал в переулок навстречу машине Игоря, и остановился метрах в пятидесяти, погасив фары.

Перпл зашарил по дверце, нащупывая ручку.

– Не дергайся, еще рано, без десяти, – остановил его Игорек. Перпл недоуменно пожал плечами и остался в машине.

Десять минут показались Игорьку вечностью, даже дышалось через раз. Ровно в полночь он мигнул фарами. «Кроун» ответил. Игорек собрал все свое самообладание, открыл дверцу и вышел, как в прорубь прыгнул. Из «Форда», с водительского сиденья, показался мужчина в светлом плаще и белой рубашке с галстуком. От машины он не отошел. Игорек пикнул «охранкой» и приказал подошедшему Перплу:

– Я пошел на площадку. Ты подойди к Байраму... Кстати, это он?

Леша утвердительно кивнул.

– Так вот, подойди к нему, успокой, и веди за мной. Заодно глянь, есть ли кто еще в машине. Если он не один, заходя на площадку, хлопнешь дверью три раза, будто крючок накинуть не можешь. Понятно? И помни, со мной ты не деньгами, жизнью рискуешь.

Игорек неспешно двинулся к «собачнику», чувствуя головокружение и противную слабость в коленях. Войдя в загон, он прошел метров пятнадцать, и остановился. Вскоре в «коробку» вошел и Байрам, Перпл задержался, возясь с запором. Дверь лязгнула один раз.

Когда наркодилер подошел вплотную Игорек смог его рассмотреть. Высокий черноволосый мужчина с густыми усами, лет тридцати пяти. Добротнo одетый, ухоженный и сытый, совсем не похожий на замызганных базарных торговцев. Игорек держал руки в карманах куртки, азербайджанец тоже, глядел он настороженно, но не испуганно. Тертый калач. С минуту они молча оценивали друг друга, Перпл уже начал тяготиться возникшей паузой.

– Товар с тобой? – спросил, наконец, покупатель.

– А деньги? – вопросом на вопрос ответил продавец. В голосе не чувствовалось ни малейшего акцента.

Продемонстрировав две пачки из левого кармана, Игорек вопросительно поднял подбородок. Байрам успокоенно улыбнулся и показал пластиковый пакетик с наркотиком. Пакет оказался значительно больше, чем Анечкин. «Перебор», – подумал Игорек. – «Ну да черт с ним, когда-нибудь пригодится. Если сейчас начать «откатывать» до пяти грамм, меня просто пристрелят и заберут деньги. В лучшем случае, пошлют, и уедут. Надо брать, сколько просил».

– Здесь десять грамм? – уточнил Игорек. – Только не нужно меня надувать, я ведь перевешу. Очень нехорошо будет, если окажется недостача.

– Угрожаешь? – посуровел торговец. – Зря.

– Зачем угрожать? Напоминаю условия сделки. Мы с тобой люди деловые, «грузить» друг друга не будем. Якши?

Тот согласно кивнул головой.

– Давай так, – продолжил Игорек. – Леша у нас лицо нейтральное, но ответственное. Ты отдай пакет ему, пусть он качество проверит, он специалист. А ты пока деньги сочти. Как последнюю пачку сосчитаешь, я ухожу, а ты минутки через две. Пойдет так?

– Так он его ложкой сожрет, – пошутил Байрам. – И умрет счастливым.

– Счастливым не помрет, откачаем. А потом помирать ему не понравится.

– Ладно, – усмехнулся Байрам, и кинул Перплу пакетик.

Игорек сунул руку в карман, заметив, как напрягся торговец «белой смертью», вынул пачку долларов и протянул ему.

– Ничего, что я мелочью принес? Считать дольше, зато настоящие.

– Ничего, – успокоил его Байрам. – И насчет фальшивых не беспокойся, у меня карманный детектор есть.

Азербайджанец занялся подсчетом наличности, Перпл колдовал, сидя на корточках. Игорек несколько раз глубоко вздохнул, унимая возбуждение. Скоро все это кончится, и можно будет расслабиться. «Хрен ты расслабишься», – подсказал ему внутренний голос. – «Все еще только начинается, самое интересное впереди».

– Здесь только штука! – снова насторожился Байрам.

– Естественно, – согласился Игорек. – У меня еще четыре таких же. – И протянул еще одну пачку, достав ее из правого кармана.

Когда Байрам считал третью пачку, Леша, наконец, поднялся и провозгласил:

– Настоящий анализ можно сделать только в лаборатории, но по моему опыту могу сказать – товар экстракласса.

– Байрам слово держит. Что заказывали, то и получили, – ухмыльнулся азербайджанец. – Давай четвертую.

Игорек отдал деньги, забрал у Перпла заветный пакетик, взвесив на ладони свою надежду на спасение.

– Где мои пять сотен? – потребовал Леша.

– В машине. Я тебя и до дому подброшу, если хочешь.

Байрам протянул руку за последней пачкой. Игорек опустил руку в карман, но достал оттуда не деньги, а пистолет. Лицо Байрама застыло, он отшатнулся, но убийца уже нажал два раза на курок. «Браунинг» гавкнул отрывисто, впечатав в белую рубашку продавца два черных опаленных пятна, и он повалился боком на землю.

Перпл сзади судорожно икнул.

– Ты чего, с ума сошел?

– Ага, – подтвердил Игорек, оборачиваясь.

Леша глянул в его глаза, развернулся, и пустился наутек. Отбежать он успел шага на два, когда Игорек вогнал ему пулю в спину и беглец рухнул, как сломанный. Игорек снова повернулся к Байраму, и вовремя. Две пули в область сердца с полутора метров его, оказывается, не убили. Он сидел, опираясь одной рукой о землю, а второй пытался достать пистолет из наплечной кобуры. И он его уже почти достал, но Игорек хладнокровно выстрелил ему в лоб. Все, как и положено. Две пули в грудь, одну в голову. Теперь завершить дело с наркошей.

Он подошел к Перплу, прицелился ему в затылок, и снова спустил курок два раза. Но выстрел раздался только один. Последний патрон перекосило. Ерунда, в затылок и одной пули хватит.

В этот момент Игорек услышал топот чьих-то ног. Он метнулся к ограждению и увидел бегом приближающуюся фигуру человека. В руках он что-то держал, и, скорее всего, не книжку. Черт! Байрам, все-таки, был не один!

Щелкнул выстрел, пуля попала в сетку, взвизгнула, и рикошетом ушла в небо. Игорек шарахнулся назад. Паники не было, было отчаяние загнанного зверя, то отчаяние, когда кот может кинуться на ротвейлера. Он подлетел к Байраму, схватил пистолет, выпавший из его рук, и ринулся обратно, не забыв на ходу передернуть затвор.

Это его и спасло. Если бы он попытался бежать, то не успел бы перелезть через сетку, и охранник снял бы его первым же выстрелом. Но тот не ожидал столкнуться с противником в дверях, он же убегал, а убегающие никогда не возвращаются!

Пули ударили набегавшего охранника, как летящий навстречу лом, так, что когда он падал, ноги выбросило вперед. Игорек всадил в него все восемь пуль, бывших в обойме. Поняв, что охранник мертв, Игорек бегом вернулся к Байраму, тщательно обтер его пистолет полкой байрамовского плаща, и вложил его в руку азербайджанцу. Свой «Браунинг» он, таким же макаром, «подарил» Перплу. Может и сработает этот спектакль, когда бандиты и наркоторговцы друг друга мочат, милиция в раскрытии особо не усердствует.

Игорек вытащил из кармана Байрама деньги, поднял упавшую в лужу последнюю пачку, обстучал о сетку, и побежал к машине. В переулке было темно, и машину не опознать. С места он отъехал, не включая фар, рискуя врезаться в какой-нибудь мусорный бак. Но все обошлось, и, выехав на улицу, он объехал квартал, и благополучно выбрался на Ленинградский проспект. Машин здесь было больше, чем людей, он вписался в транспортный поток и затерялся в огромном городе. Милиция не успела совсем чуть-чуть, но это его уже не волновало.

Деньги в целости и сохранности, свидетели на том свете, а главное – вот она, «бомба» для Сидора! Игорек был собой доволен. Руки тряслись, но ведь он, которого все считали «ботаником», завалил сразу троих! Причем, двое из них были совсем не мальчики!

Он с трудом сдерживался, чтобы не «врезаться по газам» и убраться как можно дальше от этого места, но гордость за себя дала ему самообладание. Не гоже так глупить и нарываться на неприятности с ГАИ или как она там сейчас называется. Пора уже привыкать мыслить в другой плоскости, в мужской.

Назим, руководитель целого «куста» торговцев наркотиками, узнал о расправе с его подчиненным лишь утром. Причем, узнал от своего босса. К благодушию прошедшая беседа не располагала, он рвал и метал. Горбоносые и чернявые «сотрудники» вжимались в спинки сту-

льев, когда их шеф орал, брызжа слюной и перемешивая азербайджанскую брань с русским матом.

– Почему Байрам поехал на «стрелку» без охраны?!

– С ним был один... – робко возразил отвечающий за безопасность «джигит».

– Один?!

– Он хороший профессионал... был.

– Так какого черта этот профессионал в морге делает?

– Там тоже профессионал оказался. Восемь пуль в упор!

– Почему Байраму дали только одного охранника?

– Да товару всего десять граммов было! Кто же знал, что на такую мелочевку спецы поведутся? Любого наркомана он бы завалил.

– Не было никакого профессионала! «Профессор» бы на десять граммов не позарился. Вот если бы сто!

– Он знал, что на сто грамм целый автобус охраны приедет, – предположил кто-то. – Наверное, у него проблема с деньгами была. А если так, то он товар где-то сбыть должен. Если это, конечно, на самом деле специалист был, а не наркоман-снайпер.

– Ничего не понимаю... – Назим упал в кресло. – Кто его вызвал?

– Наркоша один. Он уже сто лет товар берет, по копейке. А тут сказал – есть хороший клиент.

– И где этот наркоша?

– В реанимации. Он рядом с нашими валялся, с пулей в спине и затылке. Только по затылку пуля вскользь прошла. И в руке у него пушка была.

– Так может это он?

– Нет, наш человек в ментовке говорит, что и Байрам, и наркоша из одного ствола застрелены, и, похоже, из того, который у него в руке был. Не мог же он сам себе в спину стрельнуть. Нет, это подстава, следы путали.

– Что, менты так быстро экспертизу провели?

– Все проще. У Байрама был «Макар», у охранника – ТТ, а у наркоши – «Браунинг» старинный, тут не ошибешься, калибр разный у всех. Кстати, охранника завалили из «Макара», скорее всего из байрамовского. Но Байрам лежал в пятнадцати метрах от охранника, а стреляли в упор – вся рубашка у обоих в копоты. И гильзы не там лежат. Топорная работа, наспех.

– А ты говоришь – профессионал. Охранник ваш говно был. Достаньте мне этого наркомана, и вытрясите из него, с кем он приходил.

– Никак, Назим. Он в больнице, а в коридоре ОМОН, и под окнами тоже. Нам их штурмом брать?

– Как хочешь! – взбеленился Назим. – Не найдешь беспредельщика за неделю – поедешь в свою Назрань, коров пасти. Хлебом клянусь – пока я жив, ты больше нигде работать не будешь!

Игорек и не подозревал, что сдвинул с места такой ком. Голова у него была занята совсем другими мыслями. Здорово, конечно, что одним выстрелом удалось убить не двух, а сразу трех зайцев – деньги, наркотик и свидетели. Хотя выстрелов понадобилось чуток побольше.

Он взвесил на ладони пластиковый мешочек. И это поможет ему? Закралось легкое беспокойство. Что-то очень уж несолидно выглядело его спасение. Он посмотрел на кипу баксов, лежавших на тумбочке, и успокоился. Всему есть цена, и этот порошок отнюдь не дешев, да и достался он ему не легко. Он вспомнил вчерашнее приключение и поежился. Вот теперь, задним числом, ему было страшно. Вчера все было похоже на кино, как будто это все не с ним происходило. Ему было абсолютно наплевать, что он убил несколько человек, но, подумать только, одно неточное движение, любое отступление от вчерашнего сюжета – и его бы сейчас не было в живых! Сегодня, анализируя случившееся, он отлично понимал, что никаких шан-

сов у него не было, и то, что он сейчас сидит в кресле с чашкой кофе, результат счастливой случайности, и не более того. Но, все равно, получилось ведь так, как и задумывалось!

Ладно, проехали, а то можно доразмышляться до того, что с места побоишься сдвинуться. Но, в любом случае, дальнейшие действия надо просчитывать реально, а не так, как должно быть в идеале. Какой никакой, а жизненный опыт приобретен.

А дальше нужно определить «товар» по месту назначения. Сидор должен держать его в руках не позднее, чем вечером того дня, когда прибудет в столицу. Куда он поедет по прилету? В офис? Возможно. Но там он не употребляет ничего, крепче минералки. Соответственно, и кокаин он там не держит. Тем более, что милиция заимела поганую привычку вламываться в офисы приличных фирм, и шмонать их в поисках чего-то, ведомого только самим ментам.

Куда после работы? Домой или к Анечке. И, скорее всего, второе. Он сам говорил, что секс с «резиной», как балет по телевизору, он этого не признает. А СПИДа боится. Поэтому «за бугром» с девушками не оттягивается. Так что приедет «голодный», и сразу к своей кошке. Там засасывает порошок, уже подмененный, падает замертво, Анечка вызывает «скорую», его откачивают, она быстренько колется, что у нее бывал Игорек, и через пять минут «грызуны» стучатся в его квартиру. Возможен другой вариант: первой к порошку прикладывается Анечка, «скорую» вызывает Сидор, ее откачивают, и все повторяется. Те же яйца, вид сбоку. Шанс, что «занюхает» именно Сидор, что откачать не успеют, что Анечка ничего не скажет, что Чип и Дейл два и два не свяжут, есть? Нет такого шанса. Вернее, каждый пункт по отдельности может иметь место, но чтобы все разом вышло... Нет, так не пойдет.

Он должен принять дозу дома, один. Он должен принять ее обязательно. Что для этого нужно? Расстроить его посильнее. С Анечкой он должен поссориться, кокаина у нее не нюхать, и, хорошо бы, в постель к ней не попасть. Вот так. Можно это устроить? Вполне. Легко и непринужденно.

Но это половина проблемы. Нужно подложить героин к нему домой. Это сложнее, но делать нужно. Когда? Сегодня вечером. А может завтра? Сегодня все продумать получше, а завтра наверняка сработать?

Игорек чуть не засмеялся в голос. Надо же так трусить, чтобы уговаривать самого себя! Именно сегодня, времени слишком мало, чтобы оттягивать до последнего, потом любая накладка, и уже не успеть. Что тогда произойдет, лучше не думать. Решено – сегодня, до вечера есть время «обсосать» все детали.

Сидор жил в простой, но добротной трехкомнатной квартире на Чистых прудах. Район тихий, уютный, недаром многие представители артистической богемы облюбовали эти места. Была у него, разумеется, и дача в ближайшем Подмосковье, но к ней у него душа не лежала, использовалась она только для приема гостей. Домой же к себе он никого не приглашал, «берлога» была неприкосновенной территорией этого «медведя». В моменты меланхолии он бродил по улице, брезгливо морщась, когда на глаза ему попадались любители Булгакова, часто тусовавшиеся возле «нехорошей» квартиры мастера, случалось, подкармливал лебедей. Чип и Дейл, оберегая эмоции хозяина, в таких случаях ходили далеко позади. Для них этот «моральный отдых» был настоящей пыткой, он заставлял всегда быть в напряжении, пребывать в постоянной готовности в любую секунду рвануться вперед, если шефу будет угрожать хоть какая-то опасность. Но роптать они себе не позволяли, Сидор и так всегда выполнял их требования по безопасности, надо же ему было хоть когда-то «оттягиваться», тем более, что случалось это крайне редко.

Игорек пару раз бывал у него, завозя документы, но больше пяти минут ни разу не задерживался. Вот сюда и нужно было попасть, в святая святых. Простая-то квартира простая, но как в нее пробраться? Не обладая ни альпинистскими, ни спецназовскими навыками, через балкон в нее не проникнешь. Значит, остается нормальный выход, вернее, вход – через дверь. Код

замка на подъездной двери Игорек знал, Сидор ему сам сказал. Дверь в квартиру бронированная, такую из гранатомета не прошибешь, но открыть ее можно элементарно – ключом. Уезжая куда либо, Сидор брал с собой только самое необходимое, ключи в этот набор не входили, и он оставлял их в сейфе в своем кабинете. А шифр Игорек, как душеприказчик шефа, знал.

В девять вечера Игорек был у здания, где находился головной офис фирмы. Охранник не удивился позднему приходу, начальство работает не по часам, а по желанию. Или по необходимости, что, в принципе, одно и то же. Надо тебе зарабатывать большие деньги, или просто нравится, охрану это не касается, главное, чтобы работяги ксерокс какой не сперли.

Кивнув головой охраннику, Игорек вызвал лифт, и поднялся на нужный этаж. На других этажах кое-где еще работали, люди еще входили-выходили, настоящее ночное бдение пока не началось, и охранник не должен был обратить особое внимание на его визит. Кабинет Сидора был по соседству с кабинетом Игорька, и сообщались они с помощью неприметной и мало кому известной двери, закамуфлированной под деревянную стеновую панель. Кабинет же Игорька был смежным с кабинетом зама по экономике, разделялись они приемной, где обитала секретарша зама. Игорек обходился без референток и прочих постоянных помощников, ибо общался почти исключительно с шефом.

Пройдя по пустому гулкому коридору, непроизвольно стараясь ступать потише, он легонько толкнул дверь сидоровского кабинета. Естественно, было заперто. Он проследовал дальше и вошел в приемную. От дикого визга, раздавшегося из кабинета, Игорек шарахнулся назад, в коридор, сердце ухнуло куда-то вниз, он сам чуть не закричал. В следующую секунду он нервно рассмеялся, оценив представшую перед ним картину, словно из дешевого водевиля – на широком столе, сдвинув клавиатуру компьютера и бумаги, в компании бутылки шампанского и развернутой шоколадки, уютно расположилась секретарь-референт Маша в расстегнутой белой блузке, открывавшей ее аппетитные формы, и задранной до пояса юбке. Деловой костюм и галстук валялись на полу. Между ее раздвинутых ног глупо раскрыв рот стоял незнакомый молодой человек в спортивном костюме.

Игорек перевел дух и шагнул в приемную, доставая на ходу ключи.

– Добрый вечер, Машенька. Внеплановая работа случилась? Ну, ничего, трудитесь, – не удержался Игорек, взяв за замок. Девица ойкнула и прикрыла грудь руками, оставив на всеобщее обозрение находящееся под юбкой сокровище. Игорек улыбнулся и вошел в кабинет.

Он тяжело уселся в кресло и потер щеки руками. Сердце молотилось так, что голова подергивалась. Очень неудачно получилось. Как теперь объяснять, зачем он приходил вечером на работу, если всю неделю отсутствовал «по болезни»?

За неплотно прикрытой дверью слышались приглушенные голоса. Недовольный прерванным удовольствием кавалер возмутился:

– Это что за пендаль? Че он выпендривается? Пойти, выкинуть этого придурка? Пусть на работу вовремя ходит.

– Ты что, сдурел, Эдик? Это же правая рука Сидора! Он только пальцем шевельнет, и от тебя мокрого места не останется, – яростный шепот секретарши доносился отчетливей, чем бурчанье ее ухажера.

– Да что он мне сделает?

– Он, может, и не сделает. Но ему нужно только свистнуть, и здесь целая толпа охраны будет.

– С охраной разберемся.

– И с Чипом и Дейлом тоже разберешься? – ехидно поинтересовалась Маша.

– А это еще что за муляшки?

– Если ты их не знаешь, то лучше тебе и не знать. Поверь мне на слово, ребята серьезные. И вообще, иди отсюда поскорее, у меня и так, похоже, большие неприятности из-за тебя.

Парень еще пытался возражать, но девушка быстро и безоговорочно выставила его из кабинета, посоветовав не ждать ее, поскольку сейчас предстоит серьезный разговор, после которого ей будет не до развлечений. Непрошенный визитер протопал по коридору, все еще ворча. Минуту было тихо, потом медленно открылась дверь, и в кабинет заглянула проштрафившаяся девица. Она уже привела одежду в порядок, но прическа еще была несколько растрепанной.

Смущенно глядя в пол, она приблизилась к столу, на котором Игорек уже успел создать рабочий беспорядок.

– Игорь Владимирович, извините, что так получилось, – ангельским голосом начала она оправдываться, держа руки за спиной, и водя носком туфельки по ковру, как прилежная десятиклассница в кабинете директора школы.

«Ага, уже Игорь Владимирович!» – отметил Игорек. Он сделал суровое лицо и тихо, но внушительно произнес:

– Ты представляешь, что с тобой будет, когда о случившемся узнает служба безопасности? Я имею в виду не пацанов в дверях, а наших «бурундучков». Что ж ты с лица сбледнула? – Девушка и в самом деле выглядела очень испуганной, хотя и пыталась игриво улыбаться, якобы все это просто невинная проказа. Игорек решил ее додавить. – Поздний вечер, пустой офис, и ты в него проводишь некоего бандитского вида недоросля. Ведь это не нарушение трудовой дисциплины, не распитие спиртного на рабочем месте, это шпионажем пахнет. Ты знаешь, как у нас с этим строго. Если отделаешься потерей рабочего места, можно в церкви свечку ставить. Ты в церковь ходишь?

– Иногда, – дрожащим голосом ответила Маша.

– Ну и что будем с тобой делать? Как ты его сюда провела?

– Он сказал на вахте, что идет в «Агромакс», это на третьем этаже. У них круглосуточная работа у дежурных.

– Ладно. А ты что думаешь?

– Игорь Владимирович, простите меня. Это больше не повторится. Никогда! – девушка говорила искренне. Но если ее просто помиловать, она не поверит, очень практичная девица. Вот если заставить ее думать, что она со мной расплатилась, то это будет правдоподобно.

– Эх, ё-моё, не могу я девушек наказывать! Особенно таких... – Игорек помедлил, шевеля пальцами в воздухе, как бы подыскивая слово, – ...видных.

– Ой, я вам так благодарна! – защебетала секретарша. – Вы даже не представляете как! Просто не знаю, как вас отблагодарить!

«Отлично ты все знаешь. Для того сюда и зашла, надеешься меня умаслить. Ну, что ж, совместим приятное с полезным». Игорек откровенно оценивающе оцупал ее взглядом. Девица, что и говорить аппетитная, хотя раньше он на нее особого внимания не обращал, его кошелек притягивал не менее симпатичных дам, с которыми не надо было тратить время на ухаживания. Служебные романы – это удел проектных институтов.

– Устал я что-то сегодня, – пожаловался Игорек, глядя прямо в глаза «залетчице». Он думал, что она хотя бы немного смутится от такого явного «сексуального рэкета», но Машу этим делом, похоже, прошибить было сложно.

Она понимающе улыбнулась и вызывающей походкой, даже не «от бедра», а от того, что чуть выше, приблизилась к начальнику.

– Давайте я вам массажик сделаю, плечики разомну, – Маша по-хозяйски уселась на столе перед Игорьком, ее тонкие прохладные пальцы начали мять его шею, плечи. Игорек и, на самом деле, с удовольствием бы принял ее услуги массажиста, но поджимало время.

Девушка что-то еще ворковала про то, что не надо бы так много работать, надо себя побережь, но он не слушал. Не деликатничая, деловито задрал ей юбку, как только что его предшественник, и сразу приступил к процессу. Девица была либо крайне страстной и горя-

чей дамой, либо хорошей актрисой. Завелась она с пол оборота, и доставила Игорьку десяток очень приятных минут. Эмоциональный накал последних дней требовал выхода, и это небольшое приключение оказалось очень кстати. Секс на столе в пустом полутемном офисе оказался совсем не банальными «трахотушками», а чем-то новым и возбуждающим.

Финишировав, Игорек отпал обратно в кресло. Маша сидела напротив, тяжело дыша и пожирая его глазами, явно, в ожидании «дальнейших указаний».

– Ладно, радость моя, сеанс окончен, – успокоил ее Игорек. – Все было очень здорово, но я сюда пришел все-таки не за этим. И хочешь – не хочешь, а придется мне поработать. А ты собирай свою попу в горсть, и беги домой. Я тебя здесь не видел. Тебя, вообще сегодня вечером здесь не было, сходи в «Агромакс», посиди с ребятами полчаса, потом охраннику скажешь, что у них была.

– Спасибо, Игорь Владимирович! – прижала руки к сердцу Маша. – Я...

– Не надо слов, – поморщился Игорек. – Если ты еще раз проколешься, я буду считать сегодняшнее не случайностью, со всеми вытекающими последствиями. Ты сама представляешь, где работаешь, с гуманностью здесь не очень. Девушка ты хорошая, но за фирму я переживаю больше, и если что, отдам тебя «бурундукам» не моргнув глазом. Ты меня хорошо поняла?

Маша с готовностью кивнула головой, вскочила, одернув юбку, и, отчаянно вращая бедрами, пошла к двери. На выходе она обернулась и, многообещающе улыбаясь, предложила:

– Если вы еще когда-нибудь устанете и захотите, чтобы я сделала вам массаж, только позовите, мне очень понравилось вас массировать.

– Иди, стрекоза, – буркнул Игорек, делая вид, что прячет улыбку, и раскладывая на столе будто бы нужные ему бумаги.

Этот вопрос был улажен. Девица будет молчать, как мумия фараона, жить она не откажется. К тому же он, кажется, приобрел человека, который считает, что многим ему обязан. Симпатичная, мартышка, но если он останется в этой фирме, то надо будет что-то с ней решать. По большому счету, она в фирме человек опасный, мало ли кого она в следующий раз приведет?! Легкомысленность и непредсказуемость в коммерции вещи непозволительные, в своих работах он должен быть уверен на сто процентов, а не со скидками на особенности характера. Но с месяцок она еще поработает, чтобы история подзабылась.

Игорек напряг слух, пытаясь уловить посторонние звуки. Тихо. Отдаленные голоса доносились с нижних этажей, но в этом коридоре никого не было, Маша уже ушла. Пора приступать к делу. Он подошел к двери в кабинет Сидора, которая была почти неотличима от остальной стены, только небольшое отверстие для ключа выдавало ее предназначение. Игорек повернул в простом английском замке ключ, и вошел в темный туалет, совмещенный с душевой комнатой, объединявший его кабинет с апартаментами шефа. Не ходить же им, в самом деле, по каждому делу в общую уборную, по статусу не положено кряхтеть, забравшись с ногами на унитаз, как орел на вершине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.